

Пионерское лето 1941 года

Знать и помнить

Молюсь за тяжесть невесомых пеплов,
покрывших ужасом истерзанную Землю,
за всех, прошедших адское пекло.
И небеса мольбу мою приемлют.

Я вижу омертвевшие ладошки
и детских глаз застывшие кристаллы,
и «мама!» не сказали эти крошки,
исчезли молча, навсегда истаяв.

Молюсь за тех, кто не успел влюбиться,
за нерожденных, род свой не продливших,
их души, словно огненные птицы,
палят сердца живых и не забывших.

А кто забыл, молюсь о тех стократно.
Я тем, кто глух в незнании благодушном,
напомню: войны возвращаются обратно.
Чтоб не вернулись, знать и помнить нужно.

Т. Кримонт

Стр. 2 **ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ** Т. Кримонт

Стр 5 **КОЛОНКА РЕДАКТОРА**

Будем вместе беречь Людмила Барановская, Главный редактор, Автор проекта «Судьбы Холокоста»

ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКИХ МЕСТЕЧЕК

Стр.6-9 **Список** евреев, расстрелянных в период временной оккупации м. Жабокрич.

Стр. 10 **Рассказ первый.** Маня Тительман (Бродская)

Стр. 10 **Рассказ второй.** Изя Шмулевич из Германии

Стр. 14 **Это ли не чудо?** Рассказал Моня Масляк. Из воспоминаний выживших. (Опубликовано в книге Э. ГАРБЕРА «На моей памяти»)

КАК ЭТО БЫЛО

Стр.15 **В пекле Ада** Подготовлено Л. Барановской

ДЕТИ ВОЙНЫ

Стр. 16-18 **Дорога, длиной в жизнь** Л. Асмиля. Уфа.

Стр. 19 **Раздумья на тему: «Дети войны»**
Р. Янкелевич

СУДЬБЫ

Стр. 20-23 **Минское гетто** Г. Гурвич

Стр. 24 **Седая девушка** Л. Барановская

Стр. 25-26 **КУСОЧЕК ХЛЕБА** И. Скарбовский

СОДЕРЖАНИЕ

ХОЛОКОСТ В ИСКУССТВЕ

Стр. 27-31 **ТАТЬЯНА/ ЕЛИЗАВЕТА.**

(История нашей мамы.)

(Партитура «Неоконченный сонет»)

© Boris Mamin. Специально для журнала
«Судьбы Холокоста»- Odessa.

Стр. 32-33 **Художник**

По следам статей, картин и монограмм из интернета, а также использованы цитаты из статьи Е. Боровской.

Стр. 34 **Любочка**

Музыка Марка Штейнберга, слова Галины Шмульян

Стр. 35 **ПОИСК**
Розыски людей,
связь с которыми прервана.

БИБЛИОТЕКА

Стр.36 **Ученые подсчитали ...**

Исследователи Холокоста зафиксировали
42500 гетто и лагерей

Стр. 37-40 **Старая - престарая история**

Ромен Гари

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Стр. 41-42 **Девочка из гетто** Софья Колодная

По правилам и есть - жизнь

Ольга Гамарник.

Письмо из Праги

Елена Богданова. Киев.

Пособие памяти

М. Нульман

Стр.43 **МОЛИТВА**

Будем вместе беречь

Людмила Барановская

Уважаемый читатель!

Ты открыл сегодня журнал «Судьбы Холокоста». Неважно, впервые или уже много раз. Наш журнал выходит в свет более пятнадцати лет. Главное, раз открыл, значит, тебе не безразлична судьба мира на земле. Ты прав: у памяти нет срока давности. Тебе известно, что прошлое ведет нас – к настоящему, а от настоящего зависит будущее. Так уж устроена жизнь. Ничего не возникает само по себе, все взаимосвязано.

Если «Судьбы Холокоста» тебе не безразличны – значит, даже не стремясь к этому, ты невольно участвуешь в важном деле сохранения истории Мира. Если тебе не безразлична судьба отдельного человека, ты способен сопереживать прошедшему, возможно, это поможет сохранить наше общее мирное будущее.

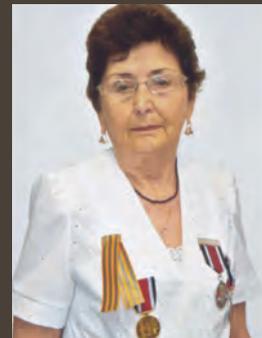
Недаром говорят: «Легко любить человечество, труднее и важнее любить каждого в отдельности и делать хотя бы маленький шаг в сторону обеспечения его счастья и благополучия».

Как бы ни тяжело тебе пришлось, читатель, страница за страницей иди по пути судеб людей, о которых повествуют наши журналы, пройди эту нелегкую, порой даже страшную дорогу. И, когда закроешь последнюю страницу, будь уверен, ты станешь немного другим человеком. Никто не избежит этого, мы - живые люди, и наши души впитывают в себя опыт прошедшего, чтобы, поняв его, идти вперед.

Наш журнал не открывает ничего нового, в нем нет стремления развлечь читателя. Наша постоянная задача: Не дать душе почить в забвении безразличия. Оглянись! Присмотрись! Слава Богу, еще есть живые люди, прошедшие ад Холокоста. Еще стучат их усталые сердца, еще смотрят на тебя их глаза, видевшие ужасы массовых убийств и зверств. Им есть с чем сравнивать настоящее время, настоящие преступления современных человеконенавистнических формирований, настоящий фашизм. Не проходи мимо. Выслушай этих людей или их потомков, хранящих в памяти рассказы не выживших и недоживших. Присылайте нам в любом виде эти рассказы. Мы напечатаем их и сохраним на страницах нашего журнала. **Пусть звучат, пусть будят, пусть предупреждают и этим хранят нас и наше будущее: Предупрежденный - сохранен!**

Мы собираемся обратиться и к школьным учреждениям и в университеты, и в другие молодежные объединения с тем, чтобы проводить там уроки памяти и бдительности. На страницах нашего журнала мы расскажем о различных планах этих мероприятий и формах путей взаимоотношений с детьми и молодежью. Помогайте нам! Память всегда важна и нужна. Если вам стало известно, что кто-то, переживший Холокост, оставил свои записи или устные рассказы о том времени, знайте, это важно нам. Такие воспоминания не стареют. Не важно, когда они были записаны, вчера или 15- 20 и более лет назад. Присылайте. Мы обязательно опубликуем их, у них нет срока давности. Предлагайте свои идеи. Будьте нашими авторами, станьте нашими помощниками, единомышленниками, друзьями.

**Давайте вместе беречь души наших потомков и их мирное будущее.
Не забывайте: оно - в наших руках. Никто не сделает этого за нас.**

Автор проекта
Людмила Барановская

«Судьбы Холокоста»

054-5289092

ludmila_b25@mail.ru

.....

Исполнительный редактор
Тамара Сологуб – Кримонт

Студия дизайна DESIGN

.....

Помним

Мы помним всех, мы помним поименно,
и сквозь года, сквозь пелену веков
взывать к потомкам вечно
будут стоны

Список евреев, расстрелянных в период временной оккупации м. Жабокрич

1	Бейберман Рива	1925	ученица
2	Бейберман мать Ривы	н\и	домохозяйка
3	Бейберман брат Ривы	н\и	-«-
4	Бейберман Рейзя	н\и	-«-
5	Бейберман сын Рези	н\и	-«-
6	Бейберман дочь Рейзи	н\и	-«-
7	Бейгель Сондер	1883	домохозяйка
8	Бейгельман Сура	1885	-«-
9	Блиндер Бася Абрамовна	1900	домохозяйка
10	Брейман Лиза	1932	ученица
11	Брейтман Мендель Ш.	1890	иждивенец
12	Брейтман Сима	1916	домохозяйка
13	Брейтман Суня	1918	бухгалтер Пром. артели
14	Брейтман Таня Д.	1916	домохозяйка
15	Брейтман Яша С.	1937	ребенок
16	Бренер Кренце	1900	домохозяйка
17	Бренер Миша	1935	ребенок
18	Бренер Рая	1930	ученица
19	Бронфман Моисей	1900	колхозник
20	Бронфман Молка	1901	колхозница
21	Бронфман Эва	1932	ученица
22	Бронфман	н\и	(старик)
23	Вайс Таня	1930	-«-
24	Вайс Хана	1910	домохозяйка
25	Векслер Несь Иосифович	1914	председатель пром. артели
26	Вейберман Маня М.	1938	ребёнок
27	Вейберман Яша М.	1932	ученик
28	Вейберман Гриша Исаак	1928	-«-
29	Вейберман Роза Изр.	1900	домохозяйка
30	Вейберман Эрш	1928	ученик
31	Вейберман - мать	н\и	домохозяйка
32	Вейберман - сестра	н\и	Ученица
33	Вейцман Фейга	1881	-«-
34	Вешковецкая Лея	1885	домохозяйка
35	Велтман Сура	1876	иждивенка
36	Велтман Абрам Рефулевич	1881	член пром. артели
37	Венеорман Роза	1900	домохозяйка
38	Венеорман Гриша	1928	ученик

39	Вейгельман Сондер	1886	домохозяйка
40	Вейгельман Сура	1885	колхозница
41	Вейгельман Ров	1910	домохозяйка
43	Вальцман Лейба	1810	колхозник
44	Врунштейн Ицик	1873	иждивенец
45	Гарбер Янкель	н\и	н\и
46	Гарбер Этель	н\и	н\и
47	Гарбер Хуна	н\и	н\и
48	Гарбер Рухл	н\и	н\и
49	Гарбер Шелека	н\и	н\и
50	Гельман (26 человек семьи)	н\и	н\и
51	Геренберг Ныхама	н\и	н\и
52	Гершкович Геня	н\и	н\и
53	Гершкович Поля	1930	ученица
54	Гершкович Роза	1910	домохозяйка
55	Гершкович Яша	1939	ребенок
56	Гитарц Абрам	1930	ученик
57	Гитарц Лерин	1936	-«-
58	Гитарц Марьяся	1914	домохозяйка
59	Гитарц Фейга	1910	-«-
60	Гитман Этя	1819	-« -
61	Гольдфарб Хана	1898	-«-
62	Гольдфарб Рувим	1890	учитель
63	Горбань Ольга Львовна	1890	иждивенка
64	Горенберг Ныхама	1884	домохозяйка
65	Гурфинкель Бенюма	1880	колхозник
66	Гурфинкель Ховеля	1880	домохозяйка
67	Дунаевская Роза	н\и	н\и
68	Дунаевская Мендл	н\и	н\и
69	Дунаевская - дочь (10 месяцев)	1940	н\и
70	Зальцман Лейб	1890	колхозник
71	Зальцман Марим	1885	домохозяйка
72	Зальцман Ханана	1876	член пром. артели
73	Зандарман Ров. Мондов	1910	домохозяйка
74	Зехцер Лея	1882	-«-
75	Зингер Хаим	1885	иждивенец
76	Зицер Бейла	1910	домохозяйка
77	Зицер Меер	1870	иждивенец
78	Зицер Миля	1927	ученица
79	Зицер Хана	1925	ученица
80	Зицер .Шейндл	1875	домохозяйка
81	Зицер Шика	1936	ребенок

82	Зусман Герш Л.	1932	ученик
83	Зусман Лейб	1909	колхозник
84	Зусман Рива	1911	домохозяйка
85	Зусман Роза Л.	1934	ученица
86	Кац Бейла	1920	член пром. артели
87	Кац Хана	1885	иждивенка
88	Кишнер Хайка	1886	домохозяйка
89	Кишнер Шльома	1884	иждивенец
90	Клейман Хайка	1905	домохозяйка
91	Копман Владимир Григорьевич	1940	младенец
92	Копман Шифра Григорьевна	1930	ученица
93	Котляр Сура	1874	иждивенка
94	Клейман Хана	н/и	домохозяйка
95	Кравчик Исаак Бенянович	1895	член пром. артели
96	Кравяк Лея Вольковна	1898	иждивенка
97	Крамер Иосиф	1890	служ. сельпо
98	Крупник Геня	1920	домохозяйка
99	Крупник Шейва	1870	иждивенка
100	Куперман Исаак Абрамович	1897	служащий сельпо
101	Куперман Лейзер Волькович	1890	член пром. артели
102	Куперман Мойсей	1900	-«-
103	Куперман Поля	1934	ребенок
104	Куперман Руня Д.	1934	ребенок
105	Куперман Фейга	1900	домохозяйка
106	Куперман Ханся	1932	ученица
107	Куперман Эстер Берк.	1888	домохозяйка
108	Ладыженская Хаюся	1936	ребенок
109	Ладыженская Хова	1905	домохозяйка
110	Ладыженский Идель	1928	ученик
111	Ладыженский Мендель	1931	-«-
112	Ладыженский Мойше	1900	служащий кооптаха
113	Ландер Рахилья	1881	иждивенка
114	Лейдерман Гитель	1899	домохозяйка
115	Лейдерман Лея	1927	ученица
116	Лемпер Ныхема	1888	иждивенка
117	Лемперт Хаим	1890	член пром. артели
118	Лемперт Лея	1898	домохозяйка
119	Ливель Роза	1911	-«-
120	Липовецкая Броня	1874	-«-
121	Липовецкая Бруха	1900	колхозница
122	Липовецкий Герш	1904	колхозник
123	Липовецкий Ефим Гершк.	1940	младенец
124	Липовецкий Меер Гершк.	1935	ребенок
125	Липовецкий Миша Гершк.	1938	ребенок
126	Липовецкий Рудмер	1938	ребенок

127	Мавдор Рая	1930	ученица
128	Мазель Берчик	1900	заготов. скот.
129	Мазель Броня	1936	ребенок
130	Мазель Рива	1905	домохозяйка
131	Мазль Фима	1934	ребенок
132	Мазлер Исаак И.	1910	служащ. промли
133	Мазлер Рая Ароновна	1938	ребенок
134	Мазлер Ушер Шмилевич	1875	иждивенец
135	Маламуд М. Влад.	1895	домохозяйка
136	Маламуд Паль	1870	иждивенец
137	Масляк Герш Монес.	1902	зам. председателя сельпо
138	Масляк Гитля	1881	иждивенка
139	Крамер Иосиф	н/и	н/и
140	Мильтер Рахиль	1881	домохозяйка
141	Мильтер Хова	1916	-«-
142	Нудельман Люба	1934	ребенок
143	Нудельман Маня	1940	младенец
144	Нудельман Рушка	1923	учащаяся
145	Нудельман Исраиль	н/и	-«-
146	Нудельман Голда	н/и	домохозяйка
147	Нудельман дочь Голды	н/и	учащаяся
148	Нудельман дочь Голды	н/и	учащаяся
149	Нудельман дочь Голды	н/и	учащаяся
150	Ойрах Рахмил Меерович	1933	ученик
151	Ойрах Рива Мееровна	1931	ученица
152	Ойрах Сура Шмерковна	1928	-«-
153	Ойрах Хайка Шмерковна	1900	домохозяйка
154	Пастернак Борис	1915	иждивенец
155	Патлут Арон	1882	член пром. артели
156	Патлут Изя Я.	1936	ребенок
157	Патлут Маня	1939	ребёнок
158	Патлут Хайка Л.	1912	домохозяйка
159	Патлут Шика	1909	колхозник
160	Патлут Эйдя	1884	домохозяйка
161	Патлут Юдка	1910	член пром. артели
162	Пикман Фрима	1884	иждивенка
163	Преймерман	1872	-«-
164	Птайнер Бузя Абрамовна	1930	ученица
165	Птайнер Соня Абрамовна	1931	-«-
166	Пташнер Хайка	1875	иждивенка
167	Пташнер Бейла	1904	домохозяйка
168	Птокер Хайка	1875	иждивенка
169	Рудяк Хая	1880	домохозяйка
170	Станиславская Голда В.	1880	-«-
171	Саневич Вольф	1910	н/и

отцов и матерей, детей и стариков.
Они и к нам взывают:
«Люди! Люди!
Пусть этот ад не будет повторим!»

Мы жертвы Холокоста не забудем!
Мы никогда фашистов не простим.
Да, труден путь еврейского народа
В двадцатый век проложен скорбный мост

172	Талис Нахман	1880	иждивенец
173	Зехцер Фира	н\и	нет сведений
174	Талисмахер Аврум	1895	колхозник
175	Талисмахер Зяма	1929	ученик
176	Талисмахер Шейва	1923	ученица
177	Тасакман Исруль	1870	иждивенец
178	Тительман Рухля Яковна	1900	домохозяйка
179	Файнгерш Ньюня М.	1933	ученик
180	Файнгерш Сура	1910	домохозяйка
181	Файнер Фрима Б.	1930	ученица
182	Финкельштейн Лейб	1874	иждивенец
183	Финкельштейн Хая	1870	иждивенка
184	Финкельштейн Ента	1875	домохозяйка
185	Финкельштейн Яков	1900	рабочий сахарного завода
186	Фукс Хаим	1935	ребенок
187	Фукс Ципа	1012	колхозница
188	Фукс Роза	н\и	ученица
189	Фукс Жения	н\и	ученица
190	Фукс Рива	н\и	ученица
191	Фукс Шейва	н\и	бабушка
192	Фукс Шейндель	1930	ученица
193	Геня, сестра Ципы Фукс		бабушка
194	Цырульник Гендель	1876	колхозник
195	Шаргородская Фрейда	1875	домохозяйка
196	Шварц Лея	1906	-«-
197	Шварц Поля	1932	ученица
198	Шейтман Рейзя	1879	домохозяйка
199	Шейтман Бася И.	1900	-«-
200	Шейтман Гриша М.	1937	ребенок
201	Шейтман Маня М.	1935	-«-
202	Шере Фейга	1901	домохозяйка
203	Шере Хаскл М.	1934	ребенок
204	Шмойсман Зоя	1901	домохозяйка
205	Шмойсман Валя	1931	ученица
206	Шмулевич Борис	1927	ученик
207	Шмулевич Голда	1900	домохозяйка
208	Шмулевич Гриша	1937	ребёнок
209	Шмулевич Сура	1900	домохозяйка
210	Шмулевич Фельк Герш.	1883	иждивенец
211	Шнайдерман Давид	1870	-«-
212	Шнайдерман Зоя	1901	домохозяйка
213	Шнайдерман Валя	1931	ученик
214	Шойхетман Борис	1910	почтовый работник
215	Шойхетман Монця	1940	ребёнок
216	Шойхетман Хайка	1910	домохозяйка
217	Шойхетман Шейндля	1927	ученица
218	Шор Геня Йосифовна	1940	младенец

219	Шор Иось	1901	заготовитель утиля
220	Шор Шейва Яковлевна	1902	домохозяйка
221	Штранвасер Рухоль	1881	домохозяйка
222	Брейштрус Дуся	н\и	нет сведений
223	Брейштрус Мотель	-«-	-«-
224	Брейштрус Фрима	-«-	-«-
225	Бронштейн Иосиф	--«-	-«-
226	Брунштейн Ицык	1873	иждивенец
227	Геллер Дина Гершковна	н\и	нет сведений
228	Геллер Лейб Гершкович	-«-	-«-
229	Геллер Рима Лейбовна	-«_	-«-
230	Гройсман	-«-	-«-
231	Гройсман	-«-	-«-
232	Гройсман	-«-	-«-
233	Гройсман Герш	-«-	-«-
234	Гройсман Эстер	-«-	-«-
235	Зальцман Брушка	-«-	-«-
236	Зальцман Сурка	-«-	-«-
237	Занчук Ихил	-«-	-«-
238	Занчук Мотель	-«-	-«-
238	Занчук Хана	-«-	-«-
240	Кейсерман Рейзя	-«-	-«-
241	Клейман Хаим	1908	колхозник
242	Кравчук Броня	н\и	нет сведений
243	Крайдман Лейзер	н\и	-«-
244	Крайдман Хана	н\и	-«-
245	Креймерман	1872	иждивенка
246	Кройлерман Ента	1931	ученица
247	Лейдерман Герш	н\и	нет сведений
248	Лейдерман Зяма	-«-	-«-
249	Лейдерман Изя	-«-	-«-
250	Лейдерман Муся	-«-	-«-
251	Лейдерман Фаня	-«-	-«-
252	Липовецкий Рудмер	1938	ребенок
253	Маринис Лея	1879	иждивенка
254	Маринис Мойсей	1874	иждивенец
255	Маринис Сима	1903	домохозяйка
256	Мильтер Абрам	1938	ребенок
257	Мильтер Арон	н\и	нет сведений
258	Мильтер Янкель	н\и	-«-
259	Мильтер Яша	1905	колхозник
260	Одесская Голда	н\и	нет сведений
261	Одесский Иосиф	-«-	-«-
262	Опист Абрам	-«-	-«-
263	Пекер Нехама	-«-	-«-
264	Пекерман Гитля	-«-	-«-
265	Пекерман Лиза	-«-	-«-
266	Пекерман Рива	-«-	-«-
267	Поляк Мотель Ушеревич	-«-	-«-
268	Поляк Сима	-«-	-«-

269	Поляк Фрида	-«-	-«-
270	Рабинович Берта	1939	ребёнок
271	Рабинович Фира	1940	младенец
272	Фенцтермахер Берл	н/и	нет сведений
273	Фенцтермахер Маня	-«-	-«-
274	Фенцтермахер Хова	-«-	-«-
275	Шейльтман Арон Хаимович	-«-	-«-
276	Шейнкман Борис	1872	иждивенец
277	Шейнкман Эстер	1889	иждивенец
278	Шмулевич Гитля	н/и	нет сведений
279	Шмулевич Лейзер	н/и	нет сведений
280	Шойхет Хайкл	-«-	иждивенец
281	Шойхет (жена)	-«-	Полное имя неизвестно
282	Колесник Ньюшка	-«-	нет сведения
283	Колесник (жена Ньюшки)	-«-	Полное имя неизвестно
284	Рудек Хая	80 л	н/и
285	Ицек	н/и	-«-
286	(мать) Ицека	-«-	-«-
287	Зехцер Лея	-«-	-«-
288	Зехцер (дочь)	-«-	-«-
289	Хайкина (мать)	-«-	-«-
290	Хайкина (сестра)	-«-	-«-
291	Горбатов Гершл	-«-	-«-
292	Горбатов (жена)	-«-	-«-
293	Горбатов (ребенок)	-«-	-«-
294	Горбатов (ребенок)	-«-	-«-
295	Хаим - Бурех	-«-	-«-
296	Хаим - Буреха жена Маня	-«-	-«-
297	Клейман Хайка	-«-	-«-
298	Гехтман Давид	-«-	-«-
300	Гехтиман (жена)	-«-	-«-
301	Зальцман (жена)	-«-	полное имя неизвестно
302	Клейман Хана	-«-	-«-
303	Маламуд Цолар	-«-	-«-
304	Маламуд (жена)	-«-	-«-
305	Маламуд (ребенок)	-«-	-«-
306	Маламуд (ребёнок)	-«-	-«-
307	Маламуд (ребенок)	-«-	-«-
308	Гидале (бондарь)	-«-	-«-
309	Гидале (жена)	-«-	-«-
310	Ройтбурд Мотл	-«-	-«-
311	Блиндер Перец	-«-	-«-
312	Блиндер (жена)	-«-	-«-
313	Блиндер (сестра)	-«-	-«-
314	Блиндер (сестра)	-«-	полное имя неизвестно
315	Блиндер (сестра)	-«-	-«-
316	Верховская Мариам	-«-	нет сведений
317	Басис Туня	-«-	-«-
318	Басис (мама)	-«-	-«-
319	Рабинович Песя	-«-	-«-

320	Рабинович (Муж)	-«-	полное имя неизвестно
321	Краснер Дувид	-«-	нет сведений
322	Краснер Фаня	-«-	-«-
323	Краснер Люсик	-«-	-«-
324	Блиндер Сруль	-«-	-«-
325	Блиндер (жена)	-«-	полное имя неизвестно
326	Файнгерш Мойше	-«-	нет сведений
327	Штрамвасер	-«-	полное имя неизвестно
328	Гершгорин (папа)	-«-	-«-
329	Гершгорин (мама)	-«-	полное имя неизвестно
330	Гершгорин Фрида	-«-	нет сведений
331	Гершгорин (дочь)	-«-	полное имя неизвестно
332	Гершгорин (дочь)	-«-	-«-
333	Барнич	-«-	-«-
334	Барнич (жена)	-«-	-«-
335	Барнич (дочь)	-«-	-«-
336	Лейбуш Иосиф	-«-	нет сведений
337	Шайманов Меир	-«-	-«-
338	Шайманов (жена)	-«-	полное имя неизвестно
339	Вельтман Рафал	-«-	нет сведений
340	Горбань Иосиф	-«-	-«-
341	Горбань (жена)	-«-	полное имя неизвестно
342	Коваль «Рыжий»	н/и	-«-
343	Коваль (жена)	-«-	-«-
344	Фельдман Нахем	-«-	иждивенка
345	Фельдман Лея	-«-	иждивенка
346	Стратиевская Клара	1906	нет сведений
347	Стратиевский Борис	1932	ученик
348	Фельдман Роза	1901	нет сведений
349	Фельдман Таня	1921	-«-
350	Фельдман Мара	1925	ученица
351	Брадис Белла	1916	нет сведений
352	Брадис Юлик	1940	ребенок
353	Фельдман Абрам	1911	нет сведений
354	Фельдман Лиза	1911	нет сведений
355	Мильтон Абрам Ию	1934	ребёнок
356	Птайнер Бейла	1904	домохозяйка
357	Птайнер Соня Абрам.	1931	ученица
358	Крайдман Лейзер	н/и	нет сведений
359	Фенцтермахер Хова	-«-	-«-
360	Рабинович Фира	1940	ребёнок
361	Рабинович Берта	1939	ребенок
362	Зингер Хаим	1885	иждивенец
363	Шаргородская Фрейда	1875	домохозяйка
364	Мазлер Новак	1910	служащий промартгли
365	Марейнис	н/и	аптекарь
366	Марейнис - жена	-«-	домохозяйка
367	Марейнис - сын	-«-	нет сведений

От первых дней великого
исхода
Сквозь боль и кровь,
Гулаг и Холокост

Самуил Шумахер

Автор этих правдивых, документальных историй любезно предоставил редакции право рассказать их и в нашем журнале, чтобы о судьбах людей, переживших Холокост, и о прерванных жизнях ушедших узнало как можно больше людей. И о тех, кто дожил, и для тех, кто родился и вырос, когда время Холокоста осталось позади, но не исчезло из памяти мира.

Передаем нашим читателям эти сюжеты. Мы постарались сохранить ту поразительную простоту слога, спокойно сдержанный тон. Поразительна ненарочитая будничность и прямота, с которой эти достойные люди, пережив такой ужас, научились четко и почти спокойно, без превосходной степени рассказывать подробно с документальной достоверностью все, что было, все, что помнят и никогда не забудут.

Рассказ первый

Маня Тительман (Бродская)

Евреев нашего местечка сначала согнали к комендатуре, а оттуда, когда все собрались, отправили к погребам. На расстрел. В погреб к Дувиду Гершбергу загнали папу, маму и меня. Когда начали стрелять, мама была убита одна из первых. А меня и папу завалили трупы, которые защитили нас от пуль. Пулемет все трещал и трещал беспощадно. Посчитав, что уже все мертвы, убийцы прекратили стрельбу, забрали пулемет и ушли. Тогда встал папа Тэвье и освободил меня от накрывших трупов. Мы попытались убежать, но вовремя увидели часового у двери погреба. Мы быстро снова накрылись трупами и так пролежали до наступления темноты. Ночью нам удалось незаметно выбраться из погреба и спрятаться в своем доме. Мы нашли какие-то тряпки, чтобы укрыться и улеглись на голой кровати. Утром в дом пришли грабители — местные жители. Они считали, что раз евреев расстреляли, то теперь можно все забрать себе. Они стянули с кровати тряпки и увидели нас. Стали звать румынских солдат. Кричали: «Здесь прячутся жида!» Но пока они кричали, мы успели убежать и спрятаться на огородах, которые начинались за нашим домом. Там нас сразу же обнаружили

местные жители. Они боялись, что их обвинят в укрывательстве и тоже расстреляют. И один из них пригрозил, что, если мы сейчас же не уберемся, то он разрубит нас топором, который он держит в руках. Мы просто потеряли способность думать и побежали, куда глаза глядят. Так мы добежали до дальних огородов, где уже не было никого. Легли там и лежали до тех пор, пока окончились экзекуции. Так мы выжили. Потом было еще много всякого горя. И голод, и опять расстрельные акции. Но мы с папой все-таки выжили до конца войны.

Рассказ второй

Изя Шмулевич из Германии

Часть первая. Начало.

Рассказывать тяжело даже тогда, когда слушатель делит с тобой все пережитое. Писать об этом еще труднее. Начну с того, что маме моей удалось вытолкнуть меня из колонны, которую румынские солдаты гнали на расстрел. Я оказался в толпе поселян, наблюдавших эту страшную процессию. Так мне, 8-милетнему мальчику, была спасена жизнь. Но для этого пришлось пройти еще много испытаний, невзгод и, конечно же, везений...

Вот, что я четко помню и ясно вижу до сих пор:

«27 июля 1941 года.

Проснулся я в это утро раньше обычного. Мама пекла хлеб, и на кухне вкусно пахло. Обычно хлеба, испеченного в пятницу, нам хватало на всю неделю. Но сейчас к нам из Могилев – Подольска прибыло много эвакуированных, которые возвращались домой. Их нужно было кормить. Примерно в 6:30 утра к нам зашла подруга мамы Марьям. Она очень удивилась, что мама занята выпечкой хлеба, по — доброму выругала ее и спросила, где наш папа. Затем она рассказала, что полчаса назад застрелили свекра Фейги — дер-Тойбэ, старого Веймана. Он молился и не оглянулся на выкрик румынского солдата, и тот выстрелил ему в спину. Имея богатый опыт относительно «погромов», она опасается, что может начаться что-то непредвиденное, если застрелили молящегося. Она специально к нам и пришла, чтобы об этом нас предупредить и сказать папе, чтобы он временно ушел из дома.

После этого тревожного сообщения папа срочно ушел к Соне Зильберман, дом которой находился обособленно за пределами местечка.

27 июля около 7: 30 к нам пришла тетя Голда Кремер с дочерью Рушкой и рассказала, что рано утром заявили румыны и забрали маминого брата Иосифа Герша Кремера. Румыны объяснили, что собирают мужчин, чтобы помочь вытаскивать застрявшие автомашины на раскисшей после дождя дороге.

Кругом было очень тихо. Румыны приходили в местечко очень редко и обычно никого не трогали. Мы стали успокаиваться, заходили к соседям и даже прошлись вдоль нашей улицы

Около 9: 30 к нам в дом вошли три солдата и молодой офицер. Он очень вежливо на ломаном русском языке попросил нас через 10 минут выйти на улицу. Вещей с собой не брать. Так как нас поведут на работу. С офицером заговорила девушка из Могилёв – Подольска. Она знала молдавский язык. Офицер подсел к ней на кушетку и спокойно разговаривал, пока мы собирались. Когда мы вышли на улицу, то увидели много людей, идущих в направлении выхода из местечка к дому Мойше Пульцес (Куперман) Мы к ним присоединились. Мама, ее сестра Этел Гитман, я и мой брат Гриша шли рядом

в одной шеренге. Мама держала нас за руки. По бокам шли вооруженные солдаты.

Нас развернули в сторону центра местечка, миновав синагогу, мы оказались около ворот колпачни. Когда они открылись, мы увидели там много людей. Они стояли, вплотную прижавшись друг к другу. Дети плакали, старики молились. Было нестерпимо душно, не было, чем дышать.

Около 12-ти часов снова открыли ворота. Так как мы стояли близко к выходу, то попали в первую партию, которую вывели из колпачни. Кругом стояли солдаты. Нас повели к дому Лейба Пипмана. Дом уже был набит людьми. Жара и жажда доводили людей до потери сознания.

Вскоре вошли солдаты и велели мужчинам выйти. Там были одни старики, и многие им завидовали, что для них уже нашлась работа. Наконец очередь дошла и до нас. Мы вышли и продолжали держаться вместе. Мама держала нас за руки, меня и Гришу. Наша цепочка медленно двигалась к колодцу, у которого стояли румыны. Их офицер, главный распорядитель, сидел на краю колодца и подавал распоряжения подчиненным. Мы шли, не останавливаясь, и вскоре оказались перед широким входом в погреб магазина сельпо. Это был большой склад без окон и света.

Вдруг, сильно испугавшись, (мне, как я уже говорил, 8 лет) маминой руки я побежал в сторону пекарни. Как позже рассказывал мой брат Гриша, оказалось, что я сильно перепугался маминого толчка. Она уловила удобный момент и выпихнула меня в толпу стоявших и смотревших, как нас ведут на явное убийство. Я не слышал окриков или выстрелов вдогонку. Побежал, но вскоре остановился, чтобы отдышаться. Одиночество усиливало страх. Я понимал, что мама, Гриша, тетя Этя в погребе. Но, что там происходит, вообразить не мог. Вернуться к ним казалось еще страшнее. Я решил пробраться к дяде Велву, старшему брату папы. Он жил в маленьком доме на Нижней улице. И я хотел ему всё рассказать. Но беда одна не ходит.

У его дома на пригорке я увидел дядю, неподвижно лежащим вниз лицом. Он был неживой. Расстрелян. Я решил бежать домой.

По дороге увидел знакомых жен-

Ведут на расстрел

щин, которые хлопотали возле походной кухни. Хотел к ним подойти, рассказать, что происходит, спросить, что же мне делать. Но одна из женщин стала быстро подавать мне знаки, чтобы я поскорее убирался оттуда. Я спустился вниз к еврейской школе и, крадучись, по огородам стал пробираться к нашему дому. Около дома кузнеца Ици Вейбермана дверь открылась, и женщина помашила меня пальцем к себе. Это была Бобале Куперман.

В чулане за печкой сидели её сын Моше и их соседка. Бобале сделала мне знак, чтобы я говорил тихо. Если нас до темноты не найдут, то мы огородами уйдем в поле. А там видно будет, что дальше делать. Когда я рассказал ей, что видел, она сказала, что все, кто был в погребке, погибли. Я не мог представить себе этого.

Время тянулось медленно. Иногда по улице проходили солдаты. В соседнем доме, который стоял в черте местечка, жил старовер дядя Ваня, солдаты хотели взять его как еврея. Он плакал, причитал, крестился, наконец, привел веское доказательство (сбросил брюки). После этого его отпустили. Но забрали его сапоги.

Около 6 вечера в местечке появились односельчане и стали грабить оставленные дома. Так как наше убежище находилось на краю села, нас никто не искал. Когда стемнело, мы незаметно оставили дом и спустились по тихой улице в село. Никого не встретив, огородами прошли в сторону колхоза «Парижская коммуна». Потом по еле заметной, узкой тропинке добрались до участка, заросшего кукурузой и коноплей. Уже в потемках мы улеглись на теплую, мягкую землю. Бобале проверила, не видно ли нас из последней тропинки.

Там мы просидели двое суток. Погода была сухая. Днем жарко, а ночью довольно холодно. Кукурузные початки, которые только обозначились, были и едой и питьём.

Ночью мне приснилась мама и наш дом. Я замерз, и Мойша, который лежал одетым в пальто, притянул меня к себе. Сначала накрыл одной полой, а потом обнял и накрыл второй. Когда я не мог спать и ворочался, он старался меня успокоить.

У меня в сознании на всю жизнь остался неоплаченным долг этим людям, замученным, перепуганным. Они в смертельно опасной обстановке подобра-

ли меня, чужого ребенка, и спасли мне жизнь.

Часть вторая. Скитания.

Наконец меня послали в село попросить что-нибудь поесть и узнать, что слышно в местечке. Я осторожно вышел на тропу и пошёл в село подальше от нашего тайника. Зашел в один из дворов, который был мне знаком. Там жила очень хорошая женщина тётя Ганна. Она знала моих родителей и меня. Сначала она испугалась, но потом, не спрашивая меня, голоден я или нет, повела во двор, усадила за стол, принесла кружку молока и лепёшку. Второй такой вкусной лепёшки я в жизни не ел. Ганна рассказала мне, что в местечке есть раненые. Кто эти раненые, она не знала. Ганна не спрашивала меня, откуда я пришёл. Она дала мне бутылку молока и три лепёшки. С этим богатством я вернулся к своим спасителям. И тут же снова собрался вернуться в местечко, чтобы узнать что-нибудь про раненых. Меня остановили и отпустили туда только утром. В доме, где, по рассказам Ганны, должны были лежать раненые, я осторожно толкнул дверь. И не заметил никаких признаков жизни. Дверь была не заперта. Спустившись на одну ступеньку, я оказался в больших сенях, которые освещались скудным светом через открытый дымоход. Я осторожно тронул вторую дверь и в полумраке увидел, что на полу, на соломе лежали люди. Много людей.

Вдруг поднялась женщина и бросилась ко мне. Я с трудом узнал тетю Голду Кремер. На полу лежала красавица Рущкале, её дочь. Она была очень бледная, губы сильно дрожали. Её можно было узнать только по прекрасным черным глазам, затуманенным от боли. У нее было тяжелое ранение в ногу.

Тетя Ганна сказала мне, что здесь лежит моя мама. Она тяжело ранена и умирает. Тетя повела меня за печь, где на кровати почти раздетая лежала моя мама. На животе, на руках и на ногах – открытые раны. Вокруг гудел рой мух. Мама была без сознания и меня не узнала. Раненым не была оказана никакая помощь. Ни йода, ни бинтов. Никто не мог помочь несчастным. Наша старая приятельница односельчанка Федора Шуляк, узнав о том, что мама ранена, пришла к ней, взяла окровавленную одежду, чтобы постирать.

Иосиф Горбань, хозяин этого дома, где лежали раненые, потерял в погребке свою расстрелянную жену Олту. А его дочь Таня была там ранена. Он был уже совсем не молодой (1876 года рождения), но не уставая, ухаживал за ранеными, как мог. Носил воду, копал картофель, кормил раненых и ухаживал за ними. Он внимательно следил за обстановкой в местечке и всем помогал прятаться при первой опасности.

В конце недели, когда обстановка немного стабилизировалась, раненых начали развозить по домам. Позже нам стало известно, что Грише, моему брату, удалось бежать прямо уже из подвала, пока не начался расстрел. Он бросился бежать, а позади себя слышал свист, улюлюканье и хохот автоматчиков. Они, словно развеселившиеся охотники, преследовавшие зайца, кричали и гоготали вслед ребенку, уверенные, что никуда он не денется, этот бегун. Все равно его постигнет общая участь. Гриша добежал до дома Сони Зильберман, где наш папа прятался по настоянию мамы с самого начала в подвале у друзей. Гриша рассказал папе все о расстреле людей в погребке и о том, что там осталась мама. Гриша говорил потом, что его рассказу в подвале Зильберманов (там пряталось еще человек десять) сначала не поверили: «Не может быть такого, немцы народ культурный, это не петлюровцы какие-то». Но прошло немного времени и во двор ворвались солдаты. Двери были взломаны, солдаты ввалились в дом. Хозяин дома Морейнис, его жена и сын попытались помешать солдатам. Это были короткие минуты, всех Морейнисов, загородивших собой дверь, через которую убежали люди, застрелили. Это произошло быстро. Но эти минуты дали возможность прятавшимся разбежаться в разные стороны. И это спасло жизнь Грише и отцу. Некоторое время ни Гриша, ни его отец не знали об участи моей и мамы. Только когда после нескольких дней расстрелов и охоты за каждым оставшимся в живых евреем, румыны убрались в свои воинские подразделения, украинское население отсиживалось по своим домам, евреи стали незаметно, робко, но настойчиво добираться до своих квартир.

Необработанные раны мамы и Рушки начали распалиться, и возникла угроза появления гангрены. Требовалась

срочная медицинская помощь. Папе удалось раздобыть лошадь и подводу. Подвергаясь большому риску, поехали в Крыжополь, где функционировала больница. Врач Рачинский (разве есть такая сила у времени, которая может заставить забыть это имя?!) спас им жизнь. Подлечившись, они вернулись к себе. Гетто, конечно, избежать не удалось. И если писать о нем, о том, что пришлось испытать и пережить, то следует начать новый рассказ. Но все-таки, выжили. И теперь я со своей семьей живу в Германии.

Рассказ третий

Рассказал Моня Масляк.

Это ли не чудо?

Утром страшного воскресенья 27 июля 1941 года нас выгнали из дедушкиного дома румынские солдаты. Мужчин уводили первыми. Мой отец Гершл Масляк держал на руках мою сестричку Раю и не мог с ней расстаться. Только ударом приклада по затылку удалось румыну заставить отца опустить любимую доченьку на землю.

Нас прогнали к погребу под магазином «Сильпо». Первые спустившиеся увидели справа у входа, место в углу, где можно было, прижавшись, укрыться от выстрелов. Среди них была моя мама Фейга (она была беременная), сестричка Рая (5 лет) и я (11 лет). Но мы уже в самом углу не поместились, оказались у стены напротив входа, недалеко от правого угла.

Пол был завален трупами мужчин, женщин и детей. Не трудно представить наш ужас, когда мы увидели это.

Мама обхватила руками Раю, сидящую у нее на коленях, и меня, прижавшегося к ней сбоку.

Из установленного на ступенях пулемета стреляли разрывными пулями. Рая получила два ожога от осколков. Еще три тяжелых ранения достались нашей маме. Один осколок, как потом стало известно, оказался возле сердца. Серьезным было ранение головы осколками.

Потом палачи устроили перерыв. В это время мама, истекающая кровью, уговорила меня вылезти из подвала и бежать к украинцу Ивану Раку. Наши семья были дружны. «... но если суждено быть убитым, то пусть это будет на

ТРАГЕДИЯ

Есть слово страшное на свете — Холокост, В нем ужас, боль, трагедия вселенной. А в то же время смысл в нем очень прост: горел народ наш в пасти огненной гиены. И Холокост пылал в сердцах людей — трагедия еврейского народа — Завет Господний главный: «Не убей!» кровавым пеплом плыл под небосводом. Но есть суд праведный на небе и земле! Судьба евреев пусть весь мир тревожит: вновь Холокост крадется к нам во мгле,

Мечом безумья уничтожить мир он может.
Горело гетто, дымились печи.
Шли люди с номерами на руках.
Мечты о счастье, надежды в детях
Все обратилось в пепел, пыль и прах.

Давид Блюм

улице, а не в погребе», — запомнил я ее слова.

Я переступал через трупы людей и тех, кто был еще в предсмертной агонии. Добрался до ступенек и побежал из этого ада. Мой пример оказался заразителен, за мной последовали несколько обезумевших от ужаса и крови женщин. Мы побежали по узкой дорожке между домами. Заскочили в конторку «Сельпо», у окна которой со стороны улицы стоял солдат. Он кулаком указал нам вернуться в погреб. Когда побежали обратно, я оказался сзади и увидел дверь черного входа в дом, толкнул ее и скрылся там. Метался из комнаты в комнату, не зная, что делать дальше. Увидел печь, решил спрятаться там. Но какие-то мои неловкие шумные движения привели к тому, что убийцы, стоявшие у забора очень близко к открытым окнам, заметили. Раздался крик: «Юдэ, юдэ!» Они вынудили меня подойти к окну, потребовали перелезть через него к ним.

В это время раздался сильный взрыв. Меня оглушило, а палачи бросились на землю. Я выскочил обратно на дорожку, ведущую к нижней улице и к еврейской школе.

Я остановился, услышав гул самолета, летящего на восток. Я понял: он был мой спаситель.

(Прошло 67 лет. В интернете, роюсь в истории военного времени, я наткнулся случайно на стратегические данные действий ВВС Южного фронта Красной Армии в первые месяцы войны. Там ясно указано, что 27 июля 1941 года советские самолеты Ил-2 бомбили Жабокрич. Они сбросили одну маленькую бомбу.

Но какую роль она сыграла в моей судьбе, в судьбе Мони Масляка!

Не чудо ли, что случилось это в тот же день и в ту же минуту, когда у него не было надежды на спасение, и вдруг появился шанс убежать от палачей?!

Вечная слава тому летчику! (Знать бы его имя!)

Огородами я добрался к дороге, ведущей к Соколовке, к источнику чистой холодной воды, оттуда — к Ивану Рака. Дядя Ваня показал мне, как надо креститься, накинул на меня большой пиджак, в котором я «утонул» так, что почти не видно было моего лица,

посадил меня в погреб. Несколько румынских солдат хозяйничали у него во дворе. Иногда они спускались в погреб, читали молитвы и крестились, у них были карманные молитвенники. Меня они не тронули. Как же я был рад, когда через какое-то время прибежала моя сестричка Рая.

Потом мы отправились искать маму. В погреб, откуда мне удалось сбежать, уже не было палачей. Только множество трупов. Слышались еще стоны раненых. Кто — то из них сказал, что ночью мама и дедушка выползли из погреба.

Дядя Иван вернулся домой, а мы с Раей по какому-то наитию повернули в сторону «яра». Спрашивали людей, не видели ли они раненую женщину. Никто не помог. И только позже нас догнал один мужчина, молча кивнул в сторону недалеко находившегося огорода. Там мы нашли маму. Радостно оплакали встречу. Мама рассказала, что в темноте, когда они с дедушкой выползли из погреба, они потеряли друг друга. Маму, обессиленную, нашел по следам крови утром в густой конопле ее бывший одноклассник Василий. Он не только не выдал её, но оказал ей помощь. Когда наступил вечер, мы осторожно пробрались к Ивану Рака. Но оставаться у него было опасно как ему, так и нам. Мы двинулись в сторону местечка. Возле одного из домов, уже недалеко от того места, где находился наш дом, мы увидели у сарая наши подушки и рядом — соломенный мат. Решили переночевать на нем. Утром мы вошли в местечко. А через несколько дней вынуждены были пешком добираться до Крыжополя, ища там медицинскую помощь маме, так как ее ранения стали угрозой её жизни. Врач Збарский сделал все, чтобы спасти нашу маму. Вскоре мы вернулись в Жабокрич, а через пять месяцев родился мой брат Гриша, который стал носить имя нашего расстрелянного отца.

Всю свою жизнь я бесконечно благодарю в воспоминаниях тех святых людей, которые помогли нам спастись и выжить.

Из воспоминаний выживших

(Опубликовано в книге Э. ГАРБЕРА «На моей памяти»)

В пекле Ада

Первым транспортом в апробированный на детях, женщинах и стариках крематорий в Освенциме присланы были политработники Советской армии. Они прибыли из лагеря военнопленных. Пока шла разгрузка транспорта, в потолке крематория были сделаны несколько отверстий. Прибывшие должны были раздеваться, а потом входить в помещение. Люди делали это совершенно спокойно, потому что им было сказано, что они должны пройти дезинфекцию. Как только люди вошли, двери закрылись, и через отверстия в потолке стали впускать газ.

В переполненных камерах смерть наступала быстро: короткий сдавленный крик – и всё кончено.

Вещи убитых убрали как можно быстрее перед прибытием нового транспорта.

И он не замедлил прибыть.

Приехавшие стали выпрыгивать из вагонов, передавать друг другу детей, чемоданы, узлы, свертки, детские коляски и даже велосипеды.

Пожилая женщина, подозрительно поглядывая то на эсесовца, то на узников в полосатой одежде, то на деревенские дома в отдалении, спросила по-немецки:

- Что здесь? Городок или лагерь?

- Лагерь, - кто-то ответил.

Офицер СС объявляет, что приехавшие сейчас пойдут в баню, а вещи останутся под охраной. Новички огромной толпой отправились в баню.

- Спокойно! Порядок! Дисциплина! Все успеете, - кричат эсесовцы. Двенадцать печей. В крематории построены бани, т. е. газовые камеры для удушения людей.

Транспорты все прибывают и прибывают. Крематории не успевают глотать людей. Поэтому в глубоких рвах устраивают жуткие костры.

Из Верхней Силезии прибыли первые эшелоны евреев. Прямо с железнодорожной платформы их повели на территорию бывшей крестьянской усадьбы.

Люди шли через поле. Сопровождали их офицеры СС.

Они разговаривали с прибывшими, расспрашивали, откуда они приехали, кто такие? Что умеют делать? Полная иллюзия: ничто не угрожает мужчинам и женщинам. Их ведут в мирную деревню устраивать на работу.

Когда толпа подошла к бункеру, всем было приказано раздеться. Помещение для «дезинфекции» опасений не внушало, и люди стали в него входить без страха. Но вот кто-то забеспокоился, заговорил об удушении газом. Началась паника: тех, кто еще находился снаружи, спешно загнали в камеры и быстро захлопнули массивную дверь.

Заключенные, работавшие у рвов, на мгновение распрямились, замерли. Но эсесовские пинки и угрозы заставили их согнуться и опустить свои глаза на обгоревшие кости и черепа.

В сосновый лес, где построены крематории и специальные дома для истребления заключенных, ведет железнодорожная ветка. К секретной фабрике смерти днём и ночью подходит транспорт с людьми. Днём и ночью дымят зловещие трубы крематориев. Сколько их, загубленных душ, знает только начальник всех крематориев г. Моль.

Несколько дней наша команда расчищала болото. Мокрые, грязные, с утра до поздней ночи вычерпывали мы вонючий ил, рыли каналы, спускали воду. Проклятая работа. Но она стала еще тягостнее, когда нас заставили выгребать человеческие кости из рва рядом с крематорием.

Здесь жгли людей на кострах. Почерневшие черепа и кости говорят о жуткой трагедии. Здесь уничтожены многие тысячи узников.

За нами пристально следят эсесовцы. Роем ямы и бросаем в них кости.

Видно по сему, что фашисты хотят замести следы своих преступлений. Поражают уже не цифры, а их зловещий смысл.

НО ВСЬ МИР УЗНАЕТ ПРАВДУ ОБ ОСВЕНЦИМЕ.

*Воспоминания узников Освенцима
подготовила к печати Людмила Барановская.*

Советские!

Дорога, длиной в жизнь

Во мне печалью стынет сердце,
в смятении мысли, словно море.
Куда от боли, гнева деться,
когда сминает душу горе?..

Вот я узнал, что в здешнем крае
и дети в лагерях томились.
Как взрослые, во всём страдали,
тоской недетской слезы лились.

Могли они понять, кто правый,
кто виноват, когда их разум
не постигал всей страшной кары,
но ощутил дух смерти сразу?

Душа любая ждёт на свете
покоя и любви, и воли...
Но плачут, ещё плачут дети
от ненависти, зла и боли.

Фридрих Золотковский
. KZ Neuengamme Hamburg,
школа Bullenhusen Damm

Шалом Наумович КАЦ

Семь лет — беззаботное, радостное детство, полное открытий, любви, новых представлений о жизни и о людях. Мама Крейня, папа Наум, молодые, любимые, счастливые. Папа конторский служащий, мама — домохозяйка. В семье лад, добрые теплые разговоры, забота друг о друге и о сынишке. Растет Шаломчик резвым, но смышленным и послушным.

В родном городке Бельцы мягкие короткие зимы, жаркое, длинное лето, озера и четыре реки. 70% населения — евреи. Ведь еще в 1779 году поселились здесь по приглашению турецкого паши еврейские купцы, и через три года власти, убедившись в явном преимуществе их нахождения здесь, официально утвердили появление еврейской общины в Бельцах.

А в 1812 году Бессарабия, и Бельцы в ее составе перешли под Российскую юрисдикцию. В городе уже тогда насчитывалось 72 синагоги. Тогда же началось строительство железной дороги, которому не помешало присоединение Бессарабии к Румынии в 1918 году.

Впрочем, все эти исторические передраги мало интересовали мальчика. Он просто радостно жил в городе своего рождения, в городе, разметавшемся на холмистой равнине, которую официально именовали Бельцкой степью, в городе, раскинувшемся в месте соединения двух рек: Реут и Реуцеп. Семья Кац перед войной 1941 года как раз и жила в Бельцах прямо рядом с давно построенной железной дорогой. Теперь Бельцы — были вторым по величине городом в Молдавии и в народе его называли «северной столицей». В этом городе маленького Шаломки ожидало интересное, плодотворное будущее. Ведь до Второй Мировой войны в городах и местечках Бессарабии существовали известные во всём еврейском мире общины с характерным образом жизни, развитой и весьма колоритной идишской культурой. Одним из таких центров был город Бельцы, в нём действовало около тридцати синагог, 11 молельных домов, "Талмуд-Тора", мужская и женская еврейские гимназии, начальные школы, детский сад, еврейская больница, поликлиника, ночной приют... Однако перемены не к лучшему начались еще до начала войны. Крах царизма и Октябрьский переворот 1917 года, вхождение Бессарабии в состав Румынского королевства знаменовали собой период тяжелых потрясений для евреев. В условиях растущего государственного антисемитизма многим пришлось выучить новый государственный язык — румынский. В 30-е годы Бельцы стали центром деятельности откровенно фашистских партий гитлеровского толка, таких как, например, легионеры — железногвардейцы. Но, несмотря на исключительно сложную социальную, политическую, экономическую, национальную обстановку, еврейские Бельцы продолжали жить и развиваться. Этому способствовали трудолюбие, упорство, стойкость, верность еврейским традициям.

Шалом как раз и родился в это время — в 1934 году. Стремление добиться лучшего будущего для своих детей — всегда характеризует еврейское общество. Успешно действовали еврейские общественные организации: начальные и индустриально — коммерческие школы, мужской и женский лицеи, народная столовая, медико-санитарный институт «Озе», сиротский дом, баня, диспансер, библиотека, детские сады, ночной приют, больница, приют для пожилых. К концу тридцатых годов в лицеях и в начальной школе учились более 500 учащихся. Обстановка в Европе и во всём мире на рубеже 30-40-х годов поставила еврейскую общину города Бельцы в ситуацию нового разлома. В результате пакта Риббен-

тропа-Молотова от 23 августа 1939 года Бессарабия в июне 1940 года была занята Красной Армией. Евреям, как и всему населению, пришлось вновь засесть за учебники и в срочном порядке выучить русский язык. Начались аресты активистов общины, сионистов, а в ночь с 13 на 14 июня 1941 года сотни бельцких семей были высланы в Сибирь как враги народа. Маленький Шалом не помнит этого. Беда прошла, не затронув их семью. Возможно, этому счастливо способствовало то нерадостное обстоятельство, что Наум Кац, отец Шалома, был мобилизован в Армию. Но самое страшное ожидало семью и весь еврейский город Бельцы несколько недель спустя. 22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз. На рассвете этого кровавого воскресенья дом около вокзала, в котором жила семья Кац, попал под бомбежку. Бомба разорвалась во дворе. Отца рядом не было. Наум не успел вернуться до начала войны. Он погиб в первые же дни на фронте. Родные долго не знали об этом. Похоронное извещение не успело. Война опередила почту. Он простился с семьей, надеясь, что скоро вернется. Но война все решила и сотворила по-своему. В это грозное утро память семилетнего мальчика скрупулезно фиксировала и оставляла навсегда страшные подробности: кровь, вой, огонь, человеческие части тел, смерть, страх. С этого дня, с этого момента он словно очнулся от счастливого детского восприятия действительности, способного видеть и запоминать только радостное, не связывая его с прошлым и будущим. Но, словно не желая, чтобы увиденное и прочувствованное в эту ночь навсегда научило ребенка запоминать в жизни только ужасное, судьба жестоко сотворила свое суровое решение и притупила память мальчика, подвергнув его тяжкому удару. Кто знает, если бы не случилось этого, смог бы он пережить все, что потом выпало на его долю? Взрывная волна подняла ребенка, подбросила вверх и бросила на 10 метров от дома. Глубокая контузия еще долго держала его в своих клещах, поразив малыша болями в спине, в ноге, заиканием и провалами памяти. Много позже уже взрослому Шалому станут известны через поздние изыски и различные сообщения СМИ о том, что и в эту ночь, и во время последующих налётов абсолютно не пострадали военный городок, казармы погранотряда и другие военные объекты. Зато были буквально стёрты с лица земли еврейские кварталы.

Все, что подробно рассказано в этой статье и не могло быть известно Шалому. Не он рассказывает об этом, хотя и был в самом центре пекла. Недавно Шалом Наумович Кац с горечью признался, что не только он, но и даже его мама, на которую легла вся непомерная тяжесть тех лет, весь ужас, получивший название Холокост, даже она отказывалась вспоминать и рассказывать обо всем, что пережила. Тем более, что, ошеломленная ударами обстоятельств, она всю свою энергию, всю память и всю жизнь сложила на то, чтобы сохранить жизнь ребенка, а значит, и свою. Но мы – то знаем, что ивритские термины "Шоа" (Катастрофа) и "Хурбан" (Разрушение) в полной мере отражают суть страшнейшего потрясения в истории нашего народа. Уничтожение нацистскими извергами евреев города Бельцы является частью Холокоста европейского еврейства в годы Второй Мировой войны. 9 июля 1941 года в Бельцы ворвались части 11-ой германской армии. Вместе с регулярными войсками вермахта в город вошли айнзацгруппы зондеркоманды СС-ЮА. В задачу этих специальных подразделений входило уничтожение мирных жителей и прежде всего – евреев. Массовым истреблением евреев в Бельцах руководили генерал Зеетцен, командир зондеркоманды полковник Колер, его заместитель капитан Праст. Последние двое были профессиональными убийцами, обладавшими опытом массовых казней. Румынские солдаты, преднамеренно и непреднамеренно, устроили несколько пожаров. Вечером 10-го июля румынские военные власти согнали вместе около четырёхсот евреев различного возраста обоего пола, чтобы расстрелять их. Поголовная депортация евреев города Бельцы и вообще всей Бессарабии в лагеря уничтожения и гетто Транснистрии постигло и семью Шолома Кац. Антонеску 17 июля 1941 года, выступая на совещании руководителей местной администрации, которое проводилось в Бельцах, заявил: "...ни одного еврея не оставить в сёлах и

БЕЛЬЦЫ. в начале войны.
брошенное пианино

Освенцим

Освенцим, Освенцим,
Освенцим -
Свинцовую пулей
бьет слово в висок.
От боли сжимается сердце,
В ад на земле совершая
прыжок.

Освенцим, Освенцим,
Освенцим, -
Как черные вороны реют
слова,
И эхом от стен отбиваются
герцы,
В них слышится: Аушвиц-2.

Освенцим, Освенцим,
Освенцим -
Чеканится слово,
как маршевый шаг.
Слезами глаза жжет,
как перцем...
Пусть не повторится все так!

ВЕОЛЕТТА САКОВИЧ

городах, всех интернировать в лагеря...". — Мы оказались в лагере села Обудовка, — рассказывает Шолом. Он не распространяется о том, как голодали, как добывали хоть какую-нибудь еду, чтобы выжить. Только с горечью произносит:

— В нашей семье из 17 родственников остались живыми только мама и я. Шалом не только не знает и не помнит, он, как и мама, не в состоянии все это рассказывать снова и снова. Молчит. Но факты, как шило из мешка, торчат. Где они, эти 15 членов семьи? Погромы, расстрелы, массовые сожжения бельцких евреев. Где сгинули родные? А может, они уцелели и были интернированы в лагерь села Рэуцэл, расположенный в нескольких километрах от Бельца? В числе 706 мужчин, 1469 женщин и 1160 детей. (Всего 3235 евреев). Режим в лагере был жестоким и бесчеловечным. 28 сентября 1941 года оставшиеся в живых бельчане были депортированы в Транснистрию. Там уже были ранее депортированные евреи из других городов. В коровники, рассчитанные на несколько десятков голов скота, фашисты загнали около двух тысяч человек. Колючая проволока, охрана из жандармов и полицейских, никакой еды, повальный сыпной тиф. Это был настоящий ад! Не там ли погибли эти 15? Кто теперь узнает? Ни могил. Ни памяти. — Нас освободили весной 43 года, — облегченно вздохнув, словно это произошло недавно, рассказывает Шалом, — мы возвращались в Молдавию в обозе Красной армии с тыловыми частями. Маму определили на кухонные работы. И снова Шалом замолчал. Видно, нахлынули воспоминания о послевоенном родном городе. Вот что рассказывают более взрослые горожане того времени: «Конечно, из довоенного населения не осталось там почти никого из евреев. Те, кто вернулся, продолжали еще говорить на идиш. Хотя дети, выросшие в эвакуации, уже отвечали по-русски... Никаких еврейских организаций в городе не было. Еврейскую школу не открыли из-за "ненужности в таковой". В единственной синагоге (из десятков довоенных) царил подозрительность, атмосфера страха. Имелся лишь один свиток Торы, редко у кого был молитвенник. От былой атмосферы святости и уюта не осталось и следа. Еврейское кладбище было разгромлено весьма заметно, много памятников разрушено». Но траур, неустроенность царили повсеместно. Следы пожарищ, разбитые улицы... Руководители – приезжие русские, их заместители – молодые выдвиженцы из местных. Боль недавней гитлеровской катастрофы жила в каждом, потери не обошли никого. Шалом пошел учиться. Ему было уже 11 лет. Нелегко пришлось. Часто болела спина, одолевала хромота, раненая стопа мешала ходить быстро, болела. Не прошло и заикание. Но все-таки, окончив школу, Шалом поступил в Львовский университет на геологический факультет. По окончании университета по распределению был направлен в Уфу. Да так и прижился в ней. Его жена Ирина работала на Уфимском химзаводе заведующей лабораторией гербицидного цеха. К сожалению, последствия работы на вредном производстве сказались на продолжительности жизни Ирины, ее нет рядом с Шаломом уже более 20 лет... У них с женой один сын Виктор, зато две уже достаточно взрослые внучки Лида и Женя.

Шалом бодро перешагнул восьмидесятилетний рубеж своего пути. Он полон планов, идей, он деятелен, несколько лет возглавлял "Кохав" — еврейская общественная национально – культурная религиозная организация республики Башкортостан Она занимается организацией нац.культурных мероприятий, праздников, встреч по еврейской тематике. А сейчас Шалом является одним из создателей журнала "Этнопанорама Башкортостана". Уже вышли в свет два номера журнала, средства на первый из них изыскал Шалом Кац (деньги от выигранного им гранта). А второй решили поддержать три представителя религиозных общин Уфы: Митрополит Никон, раввин Уфы Дан Кричевски и председатель мусульманской общины, руководитель духовного управления мусульман республики Башкортостан муфтий Нурмухаммад – Хазрат Нигматуллин.

Немногословен Шалом Наумович, как и прежде. Но весь его жизненный путь, вся, слава Богу, еще не пройденная дорога, настолько выразительны и значимы, что при несомненной индивидуальности – это яркий факел, горящий в общей памяти всех, переживших Холокост.

Л. АСМИЛЯ, Уфа

Раздумья на тему: «Дети войны»

Они – не «дети войны». Война их не родила, но многие и многие родились и жили во время страшной, затяжной войны (1939- 1945г.г.), испытывая голод, холод, страх... Призрак победы над ненавистным врагом маячил, не переходя в реальность. В душах людей, детей теплилась надежда на выживание. Слушали с замиранием сердца фронтовые сводки, получали похоронки, плакали по ночам... Но войне, как и всему происходящему, приходит конец. Казалось, фашизм задушен в его же логове! Победа! Но – это не так!

Рая Янкелевич

Оглядываясь назад, ветераны, выжившие в жестоких боях, стараются нести правду нам, родившимся после войны. А что говорят их дети, пережившие войну? Войдя в мирную жизнь, они стали солдатами, защищавшими завоевания этого мира, помня своих отцов и матерей, ушедших на фронт и не вернувшихся домой. Сколько искалеченных войной родственников осталось! Ведь война убивала не только тела, но и души. Наши родители отстраивали и преумножали богатства своей страны, не жалея жизни, во имя мира. Война несёт разрушение, мир – созидание. Так почему человеческая жизнь так мало стоила на просторах Советского Союза? В Израиле мы столкнулись с другой философией. Жизнь поставлена на пьедестал, наверное, потому, что еврейский народ малочислен и уязвим. А может быть, сыграла роль память Холокоста? Война и мир! Война поражает и разрушает мир. Хрупкий мир, он всегда насторожён и готов защищаться. Мы негодуем, если кто-то посягает на нашу землю, нашу жизнь. Мы готовы дать отпор любой агрессии, террору, подстрекательству. Мы постоянно наготове в желании выжить и жить достойно... Нас хотят уничтожить, и убивают. Мы, отстаивая своё право на существование, ставим на грань жизни и смерти не только противника, но и всех, кто его окружает, сами того не желая. А это значит, что война живёт в наших душах, в душах людей, живущих рядом. Кто-то нападает, кто-то защищается. Выходит, что мы сами порождаем войну, даже те, кто ни разу не брал в руки оружия, уже не говоря о нелюдах, вынашивающих коварные планы уничтожения народов, не щадя никого во имя фантомных идей.

Так, скажите, кто они, «дети войны»? Это мы с вами, потому что кровавые войны не прекращаются на нашей маленькой планете Земля. Войны «детей» неразумных и жестоких, взявших в руки оружие и убивающих друг друга. Зачем? Помогите мне ответить на этот вопрос и на другие возникающие вопросы, связанные с этой темой. Заранее благодарю!

Рая Янкелевич

МИНСКОЕ ГЕТТО

Начало

Гриша Гурвич жил в Минске с мамой и папой, с бабушкой Ханой и с ее двумя сыновьями, мамиными братьями. В мае 1941 года Гришу записали в первый класс школы, которая находилась на улице Свободы. А потом мальчика отправили отдыхать в летний оздоровительный лагерь в поселок Ждановичи под Минском.

Как радостно привлекательно и необычно звучало это слово: «лагерь». В нем было предвкушение встречи с лесом, с речкой, радость детских игр, похожих на игры в «войнушку», с горнами, с утренними построениями и поднятием флага, с маршами и походами, с увлекательными спортивными играми и соревнованиями, с кострами, песнями, новыми друзьями.

Все так и было. До 23 июня 1941 года. Детей вдруг срочно посадили в грузовики и повезли. Через горящий тяжелым пламенем, неузнаваемый после бомбежки город Минск. Три машины ЗИС-5 с детьми. Внезапно машины остановились по приказу людей в советской милицейской форме. Каким-то даже неосознанным наитием два передних водителя заподозрили обман. Поняли, что под формой наших милиционеров – немецкий десант парашютистов. Не останавливаясь, две машины промчались вперед. Третий, последний в колонне грузовик, в котором сидел Гриша, «милиционеры», угрожая водителю оружием, остановили. Заставили ехать на запад. 12 детей привезли в пригород города Белосток. Выгрузили на большой вилле.

Дети работали на вилле по уборке навоза на скотном дворе и на всяких других сельхозработах. Иногда их освобождали от этой работы и возили в город Белосток в маленькую клинику, где у детей брали кровь из вены.

Особо строгой охраны для обессиленных и запуганных детей не требовалось. Куда они денутся в чужих местах, совершенно не зная, где они, и что с ними будет? Но Гриша все-таки решился и сбежал. ...Волковыск, Слоним, Барановичи, Узда (Минская область)... Только в начале октября ребенок немислимим образом (достойным отдельной повести) добрался до Минска. Одна заветная цель поддерживала его в скитаниях: найти родных и близких. И вот она, родная улица Подзамковая, вот он, дом 14. И дом и улица уже вошли в территорию границ Минского гетто. В доме Гриши уже жили чужие люди. Что стало с его родными, никто не знал. Только после войны Гриша Гурвич узнал, что отец с первого же дня ушел на фронт. И погиб. О судьбе бабушки, мамы и ее братьев он тоже узнает многим позже. А сейчас —

Минское гетто

Одно из крупнейших в Европе, оно существовало с 20 июля 1941 года по 21 октября 1943 года. Число узников – более 100 000

Погибших - 80 000

По распоряжению полевой комендатуры за № 812 «все еврейское население г. Минска обязано на протяжении 5 дней перебраться в огороженную территорию для евреев». Если после этого срока еврей будет найден в нееврейском районе, его ожидает строгое наказание. А неев-

Иозеф Менгеле и ребенок.
фото из материалов Нюрнберга

рейское население должно немедленно покинуть огороженный район. Структура Минского гетто. По существу, их было три: «Большое гетто» охватывало 39 улиц и переулков. Две специальные, охраняемые проходные. «Малое гетто» — район радиозавода. «Зондергетто» — территория для 20 000 евреев, депортированных из семи стран Европы.

Условия существования в гетто. Территория окружена по периметру колючей проволокой. Круглосуточная охрана силами СС совместно с белорусскими и литовскими полицейскими. Всем узникам под страхом смерти приказано носить постоянно опознавательные знаки — матерчатые «латы» желтого цвета диаметром 10 см. и белые нашивки с номерами дома на груди и на спине. Немцы и полицаи безнаказанно грабили и убивали обитателей гетто, насиловали девушек. Существовало множество запретов, за нарушение которых было только одно наказание — расстрел: покидать гетто без разрешения, ходить без опознавательных знаков, носить меховые вещи, менять вещи на продукты у неевреев, ходить по центральным улицам и по тротуарам. Обязательство: при встрече с немцем следует за 15 метров снимать головной убор. Запрещалось здороваться со знакомыми неевреями, заходить в сады и в другие общественные места, проносить в морозы хотя бы щепку для отопления.

Легальных путей поступления продуктов питания в гетто не было. Источником добывания пищи для евреев остались только смертельно опасные нелегальные обмены с нееврейским населением через проволоку на границе с русским районом. Рассол из селедочных бочек считался деликатесом, обычной едой — оладьи из картофельной кожуры, в пищу употреблялось сало, которое удавалось соскоблить на кож. заводе со старых шкур. Евреям из гетто, которых использовали на принудительных работах, один раз в день давали миску пустой баланды.

Существовал так же «черный рынок» внутри гетто, в котором принимали участие и некоторые из немцев, тех, которые имели туда доступ. Вот пример ценностей: за буханку хлеба и три луковицы — отдавали золотые часы.

На протяжении всего существования гетто поддерживалась высокая плотность заселения: в одноэтажный дом на 2-3 квартиры втискивали до 100 человек. В такой же двухэтажный до 300. В одной комнате находилось обычно несколько семей. Электричества не было, пользовались коптилками, не было и водопровода. Воду носили из водоразборных колонок и расплавляли снег зимой.

Процветала антисанитария, и, как следствие — повальные болезни и эпидемии.

Гриша в гетто

Но вернемся пока к мальчику Грише, персонажу нашего документального повествования. Первое время он работал на расчистке улиц и дорог от разрушенных домов. Потом его перевели на радиозавод. Он упаковывал радиодетали в ящики. Затем его посылали на разные работы в помощь взрослым. Его и других рабочих возили на завод в автомашинах с собакой. Кормили хлебом, жидким супом и кипятком с куском сахара. Заодно над нами проводили медицинские эксперименты во 2-ой клинической больнице. Там брали у рабочих кровь, делали неизвестные инъекции, поили их какими-то непонятными таблетками и порошками. В результате у мальчика начались судороги, нарушение речи и устойчивое заикание. Поднялось давление. Произошла частичная потеря памяти. С ноября 1941 года началось массовое истребление населения гетто. Вначале нацисты уничтожали тех, кто не мог работать. Чаще всего массовые

Дети в оккупации

Срочная служба в С. А. 1952-1956

убийства неработоспособных обитателей жилищ проводили в то время, когда трудоспособное население водили на работу. Затем начались крупномасштабные погромы. Ночные и дневные. И преследовали они разные, порой совершенно непредсказуемые, поразительно будничные, с точки зрения нацистов, цели.

Например, погром в феврале 1941 года был осуществлен с целью освобождения места для евреев Чехословакии и Германии

7-8 ноября 1941 года убиты 18 000 человек.

20 ноября 1941 года - 15 000 человек.

2 марта 1942 г. - 8 000

28 июля 1942 г. - 25 000

21-23 октября 1943г - 22 000 евреев из Европы.

С весны 1942 года многих детей в гетто умерщвляли в душегубках, хватая прямо на улицах, запикивали в машины. В день такие автомобили делали по несколько рейсов.

Гетто Минска с самого начала находилось под особым присмотром Эйхмана. В начале мая 1942 года в гетто поступило указание поменять коменданта. Назначен оберштурмбанфюрер СС Готенбах. Жесточайший нацист. Дома заново нумеровались. На них указывалось количество жильцов. Проводились переключки по воскресеньям и понедельникам на площади. Если кого-то не хватало или был кто-то лишний, то начинались расстрелы прямо на этой же площади.

Гриша понял, что нужно во что бы то ни стала бежать. Иначе не выживешь. Это было не просто. Не говоря уже о том, что повсюду подстерегали внимательные глаза полицейских, обозленные, натасканные на человечину и кровь псы, колючая ограда, трусливые согладатаи, как внутри, так и особенно за пределами колючей ограды. Существовал еще один страшный аспект: за каждого отсутствовавшего расстреливали несчитанное количество ни в чем не повинных.

Решение пришло внезапно. Он использовал погром. Уже одно то, что никто не станет считать трупы после погрома и пропажу одного, двух человек никто не заметит, снимало с беглеца вину за предполагаемый расстрел невинных людей. При переключках отсутствие объяснится само собой. Это было осенью. Сентябрь. 1942 год. То солнце, то дожди. Холодные неуютные ночи. Леса. Болота, деревни. Голод, страх. Девятилетний ребенок, бродил по заброшенным, сожженным деревьям Белоруссии, пробираясь на восток. Мир не без добрых людей. Помогали, простые, сами голодные люди, понимающие беду ребенка. Случайно в лесу Гриша встретил молодых парней, бежавших из плена. Они пробрались в тыл через линию фронта. Трое бывших солдат. Что ожидало их, когда добрались до своих. Кто знает? Можно только предполагать. По аналогии с известными историями тех лет, происходившими со сбежавшими из плена, и ценой невероятных усилий добравшимся до воинских частей. Там их ожидали многочисленные проверки. Которые редко заканчивались благополучно. Штрафбаты, суды, лагеря... Теперь уже Советские лагеря. Был в плену — предал Родину... А пока ребята, что есть силы, шли. И ребенок шел с ними, наравне перенося все тяготы пути. Худой заика, испуганный, больной, сирота, истерзанный пережитыми бедами. В районе Сухиничей (тогда – Смоленская область) они, наконец, перешли линию фронта. Тут Гриша расстался со своими, ставшими ему близкими, спутниками. Ребенок стал числиться в списке беспризорников. Его определили в детдом в городе Мичуринске. Почти год он провел в этом детдоме. Но мало что осталось в памяти. Все, словно в тумане. Здоровье, подорванное экспериментами в фашистских лабораториях, восста-

навливалось медленно и трудно. Никто особенно и не занимался его восстановлением. Специалистов не было. Уповали на время и на то, что молодой организм сам все постепенно вернет. И здоровое и речь. Тем временем, весной 1943 года счастье улыбнулось Грише. По розыску пропавших мама Роза нашла своего сына. Это был подарок судьбы. Они уехали в Казань. Там Гриша стал ходить в школу. И одновременно его лечили. Болезни, вызванные лишениями, бедами в гетто и медицинские экспериментами фашистских лабораторий, все еще сказывались судорогами во всем теле, слабостью ног и рук, дефектами речи, провалами памяти. Лечение мальчика продолжалось до 1949 года. Конечно, это было счастье – жить с мамой. Но их беды на этом не закончились. В апреле 1945 года, чуть меньше месяца до окончания войны, погиб на фронте отец, Яков Гурвич. Это был удар для семьи. Все уже чувствовали, что вот-вот закончится война. Вернется их дорогой отец, муж. И они заживут счастливо. Ведь война итак забрала в 1942 году безвременной смертью в гетто бабушку Хану Шульман и её сына, маминого брата, Иосифа Шульмана. Он пропал без вести. Не зажили раны этих потерь. А тут опять непоправимое горе. Можно ли удивляться, что мама Гриши с трудом пережила это! Единственно, что держало еще ее в жизни – ее сын. Его надо было лечить, лелеять, беречь. Ведь он так настрадался! Забота о нем придавала ей силы. Но здоровье, уже подорванное войной, давало сбои. В 1952 Гришу призвали в Армию. В этом же году умерла Роза. Ей было всего 49! Война догнала ее в рассвете лет. Григорий прослужил на флоте до 1956 года. После службы стал жить в Минске. Днем работал на автозаводе токарем, вечером учился. Жил в заводском общежитии. Потом защитил диплом и стал старшим инженером — технологом. Женился. Жена Риммочка родила сына Яна. А в 1991 году они всей семьей репатриировались в Израиль в г. Хайфа. Григорий и в Израиле не сидел без работы. 12 лет на заводе, а потом трудился по ремонту дорожно — строительной техники. Умелые руки и знания всегда находят применение, везде нужны.

Репатриация – дело не простое. Редко проходит все гладко, особенно на первых порах. Но время идет. В конце — концов все становится на свои места. Вот дожили уже и до внуков. Но не забыто ничего. Все, что пришлось испытать и пережить. Пусть эта история жизни Григория Гурвича и всей его семьи послужит людям зоркой памятью, настойчивым напоминанием о том, что больше никогда не должно повториться.

Репатриация – дело не простое. Редко проходит все гладко, особенно на первых порах. Но время идет. В конце — концов все становится на свои места.

Вот дожили уже и до внуков.

Но не забыто ничего. Все, что пришлось испытать и пережить. Пусть эта история жизни Григория Гурвича и всей его семьи послужит людям зоркой памятью, настойчивым напоминанием о том, что больше никогда не должно повториться.

Памятная медаль «НЕПОКОРЁННЫЕ»

Депутат К. Развов (слева), Г. Гурвич (справа)

Григорий Гурвич, узник минского гетто

Седая девушка

Роза во время войны

Роза Михайловна в наши дни

Роза окончила семилетку в 1940 году и поступила в педагогическое училище, хотела быть учителем, воспитывать и учить детей. Но началась война и Роза забрала документы из педучилища, поступила на курсы медсестер. В военное время — это было нужней.

Фронт подходил к её родному Житомиру. Она пошла на передовую. И прошла всю войну до последнего дня, расписалась на стене рейхстага. За четыре года на войне были и ранения и контузия. Роза выжила. На фронтовой дороге встретилась со своим будущим мужем. Более двух лет они переписывались, а потом он переехал в ее дивизию. Они поженились и прожили с ним счастливо 25 лет.

Первая седая прядь в ее волосах появилась, когда девушке было 19 лет. И как ни тяжела была фронтовая жизнь, как ни страшна была ежедневная угроза жизни, смерть, которая всегда рядом, — круглые сутки она отвечала за жизнь раненых, — седина поразила ее в Сталинграде. Вот как рассказала она сама об этом:

«Сталинград. Август 1942 года... Полки, батальоны вгрызались в землю, чтобы не пропустить врага, который остервенело рвался вперед. Ведь Волга была совсем рядом — каких-то полтора-два километра. Гитлеровские бомбардировщики не жалели бомб, буквально осыпали нас ими. Пригнувшись и падая на землю при свисте бомб, я подбежала к раненым, сделала перевязку одному, второму, третьему... шестому. С помощью шофера погрузила их в машину и отправила в медсанбат. Вдруг слышу плач, кто-то просит о помощи. Детский плач в этом крошечном аду меня потряс. Я побежала. Лежит мальчик лет десяти.

Ранение в живот. Необходимо срочно оперировать. Быстро перевязала и — в машину. А тут — снова бомбежка. Навстречу, не замечая пуль и взрывов, бежит женщина:

— Где мальчик, который тут лежал? — Кричит, — где мой сын?

Только хотела ответить, и вновь — взрывы. Падаем. Чувствую, что по мне льется что-то теплое. Кровь. Женщина убита... Пытаюсь встать. Острая боль в ноге. Ранена. Чуть приподнялась, вижу — дом, что был вблизи, рухнул.

Почему при этом я жива, не понятно. Ткое было в моей военной жизни не раз.

Мы форсировали Днепр. Бои шли на другом берегу, а я ждала плот, чтобы переправить раненых. Вокруг, стрельба, взрывы. Увидела землянку, перетащила раненых в нее. И вдруг — сильнейший взрыв, меня откинуло им в реку. Когда пришла в себя и выбралась из Днепра, увидела, что от моей землянки, в которой оставались мои раненые, ничего не осталось. Зрелище, которое я увидела на месте взрыва, привело меня в ужас. Позже, когда переправилась на другой берег, одна наша женщина дала мне зеркало и говорит:

— Посмотри на себя.

Глянула я, а волосы то у меня — все белые. А мне тогда было 19 лет.» Вот такой рассказ Розы Михайловны Мишиной.

Она из тех людей, которые делают много, а говорят об этом мало.

— Начинаю рассказывать, ком к горлу подкатывает.

От жутких событий войны никогда не стираются и не ослабевают никакие подробности. Можно забыть счастливые дни жизни. Страх и беды тех дней помнятся во всех ужасающих подробностях.

Боевой путь Розы отмечен орденом Красного Знамени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы»

Роза Михайловна освобождала занятые фашистами города и села.

— Насмотрелась я и на могилы, и на ямы расстрельные, и на людей, живых, похожих на мертвых. Все это — жертвы Войны.

Роза стала активным автором статей в журнал «Судьбы Холокоста». Но это уже тема для другого «разговора»

С трудом заставляю себя написать, что эта замечательная, героическая женщина не так давно покинула нас. Светлая ей память. На долгие времена.

Рассказ Розы Михайловны Мишиной записала

Людмила Барановская. Израиль

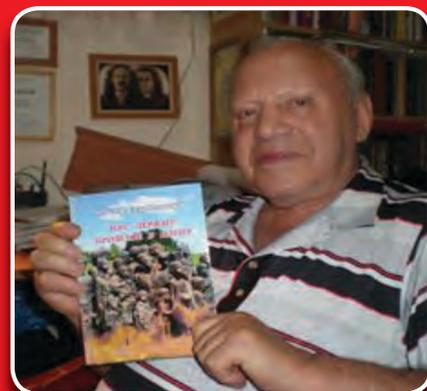

КУСОЧЕК ХЛЕБА

(документальный рассказ)

Жизнь представлялась мне рекой, бегущей в берегах и петляющей то вправо, то влево. Наполняясь водой от дождей, слёз и пота, глубина её всё время увеличивалась, пока не перевалила через дамбу с отметкой в семьдесят лет. Где-то впереди маячил новый рубеж с ещё более высокой отметкой в восемьдесят лет. Добежит ли река до этой плотины, перевалит ли её высоту или остановится на полпути и застынет на водомерной рейке постоянной черточкой в нескольких годах от ординара? Никто этого не ведал. А пока, задержавшись на отметке в семьдесят лет, оглянулся назад и увидел реку своей жизни. А, увидев, многое вспомнил. Я родился в феврале 1938 года в селе Тарбагатай, в Бурятии. Это потом родители, шепотом разговаривая между собой, мучительно размышляли о том периоде жизни страны и характеризовали его не иначе, как кровавым. Через много лет я узнал о трагедии 37-39 годов. Помню себя с 22 мая 1941 года. До войны оставался ровно месяц. В этот день мама родила дома младшую сестру, и в моей детской памяти отложились приезд фельдшера на черной «Эмке», железная, с грубой панцирной сеткой кровать, поверх которой лежал в два слоя картон от какой-то упаковки и ватный матрас с простыней, на которой лежала мама с крохотной сестрёнкой. Её назвали Любой. В 1939 году в Красную Армию ушел мой старший брат, и нигде в моей памяти не отложилось это важное для нашей семьи событие. Соломон ушел навсегда. Лишь позднее, в 1960 году, когда я по собственной инициативе поехал на Украину и разыскал в Кировоградской области семью брата, я узнал о его судьбе. В 1941 году в хаосе стремительного наступления немецких армий часть, в которой служил брат, десантировалась на головы немцев. Из трёхсот шестидесяти десантников уцелело только двенадцать человек, которые сумели оторваться от погони на территории, захваченной врагом. За несколько дней, потеряв ещё семь человек, пятёрка молодых и неопытных ребят на некоторое время застряла в селе. Там-то Соломон и познакомился с украинской дивчиной Филоненко Фросей. Прячась при каждой облаве, брат встретил рождение дочери, которую назвали в честь моей мамы – Ганкой. Родители, мама Ханна и папа Павел, узнали об этом в конце пятидесятых годов из письма Фроси на старый адрес села, в котором ранее жила наша семья.

В одной из облав Соломон был схвачен и вместе с братом Фроси отправлен в лагерь под Карловы Вары. За три дня до освобождения лагеря за нарушение лагерного режима брат был избит и расстрелян. Немцы уже не проводили устрашающих и показательных акций. Брат Фроси вернулся из лагеря и лично мне поведал о последних днях жизни Соломона. Запомнился 1941 год уходом на войну второго брата, Якова. Очень хорошо помню его возвращение в 1944. В солдатской полинявшей гимнастёрке, на двух костылях он еле вошел во двор нашего маленького дома. Болью отзывались эти его первые шаги после возвращения из ада. Позднее брат рассказывал, как при штурме Карпат был скошен пулемётной очередью. Ранение было тяжелым. Санитары положили его на носилки. А в это время – налет немецких «Юнкерсов». Санитары – в укрытие, а брат с простреленными ногами, мысленно попрощавшись с жизнью, беспомощно следил глазами за тем, как открывались бомболомки и бомбы с воем падали на землю. Но ни одна не задела. Это похоже на чудо. Потом – госпиталь, и вот он дома. Мама кое-как сняла с него надрезанные сапоги и теплой водой размачивала присохшие, красные от крови бинты. Когда, наконец-то, бинты были сняты, я впервые увидел на ногах брата затянутые молодой и тонкой кожей дырки от пуль и синюшного цвета швы после операций. В ноге ещё оставался осколок гранаты, который врачи не могли извлечь. Он доставлял нестерпимую боль и позднее всё-таки был удалён. Бинтов, как и многого другого, дома не было. Мама отрезала низ папиной нательной рубахи, на-

Иосиф Скарбовский

Живет в Кармизле. Репатриировался из Кривого Рога (Украина). Женат, двое детей. Внуки. 11 сборников стихов. Последний: «Нас держит прошлое в плену» вышел накануне 70-летия окончания Второй мировой войны. Книга на трех языках: русском, английском и украинском. В нашем журнале – его дебют.

Зал детских имён (Мемориал Яд Вашэм)

Под солнцем жизнь пульсирует, играя.
Мажорный лад слетает со струны,
но в этом зале сердце замирает:
вновь воскресают ужасы войны.

Я ослеплён огнями неземными.
Навстречу мне шеренгами из ям
Встают друзья, как в юности, живые
Такое не под силу и богам.

Я оглушен родными именами.
Ко мне летят из выси, как набат,
их души, освещенные огнями,
и раны сердца болью теребят.

Взволнованный, иду скорей из зала,
а свечи в темноте еще горят.
Моя община многих потеряла:
не сосчитать прискорбный этот ряд.

Идут года неспешной чередой,
но каждый раз, придя в мемориал,
вновь падаю, расстрелянный бедою
Войны лицо я заново узнал.

Иосиф Скарбовский

кромсала бинты и перевязала раны. Папа ещё долго ходил в укороченной рубашке. Но более всего запомнилось, как брат снял с плеча тощий вещмешок и вытащил из него подарки. Полбулки черного, засохшего хлеба и кусок, с мой детский кулачок, сахара. Вот и все его трофеи. Жили мы впроголодь. Мама ранней весной сажала на огорожке семена красной свеклы, и если удавалось где-то купить семена репы или редиски, то торопилась посадить всё пораньше. Едва ботва свеклы вырастала до десяти-пятнадцати сантиметров, мама тут же варила подобие борща. В дело шли лебеда и молодая крапива, Старшая сестра Фаина, которой едва минуло 17 лет, устроилась в какую-то контору, где работникам разрешали приобрести в счёт зарплаты списанную за непригодность солёную рыбу в бочках. Рыбёшку люди тут же окрестили «касяткой». Это была очень соленая ржавая рыбка длиной пятнадцать сантиметров, половину которой составляла непригодная для еды голова. Мама что-то мудрила и угощала нас ухой.

«Касатка» составляла весь наш рацион. Я до сих пор помню постоянно сосущее чувство голода. Едва стали заживать раны на ногах, и Яков уже мог передвигаться с помощью самодельной тросточки, он устроился на железную дорогу – разгружать вагоны с рисом и чечевицей. Денег не платили, но зато к концу дня выдавали по паре килограммов риса или чечевицы. Приходя домой, он снимал обувь и показывал нам кровоточащие ноги. Вскоре через наш город потянулись воинские составы, перебрасываемые с Запада на Восток. Мы с сестренкой висели на заборе и наблюдали, как идут войска. Много позднее, я узнал, что это Советский Союз готовился к войне с Японией. Однажды в наш дом вошел солдат. Яков и отец расцеловались с ним. Это был двоюродный брат Владимир, которого я увидел впервые. Он угостил нас банкой тушенки. Но больше я его так и не увидел. Владимир ушел на войну с Японией и там погиб. В 45 году я пошел в школу. Букварей в классе было всего два. Но мы учились, борясь с постоянным чувством голода. В школе давали небольшой кусочек хлеба, который, преодолевая соблазн, мы несли родителям. Однажды, идя домой, я с одноклассниками оказался на берегу реки Бира. На острове был лагерь немецких военнопленных, и их изредка выводили купаться. Мы стояли на берегу и смотрели на наших врагов, по вине которых мы лишились детства, ибо оно превратилось в пытку голодом. И вдруг одна малышка развернула бумагу, вынула кусочек хлеба и протянула его плывущему к нам немцу. Мы онемели. Этого не должно быть! А немец, видимо, подозревая подвох, не доплыв до берега двадцати метров, схватил плывущую палку и швырнул её в нашу сторону. Мы очнулись от автоматной очереди охраны, а немец повернул назад и поплыл на остров. Девочка плакала навзрыд и от осуждающих взглядов товарищей, и от обиды, нам не понятен был тогда её порыв. Мы жили слишком далеко от театра военных действий на западе нашей страны и совершенно не знали о зверствах фашистов над мирными людьми. Если бы девочка знала, как за колючей проволокой гетто и концлагерей умирали от голода сотни тысяч наших соотечественников, она бы так не смогла поступить. Всё ещё рыдая, девочка снова завернула кусочек чёрного хлеба в бумагу и понесла его домой.

Волею судьбы я тридцать лет прожил в Украине. Там родились младший сын и двое внуков. Много раз приходилось бывать в селе Веселый Кут под Кировоградом, куда война забросила брата Соломона. Разговаривая с Фросей, я узнавал новые подробности о его судьбе. Оказывается, в лагере, чтобы спасти свою жизнь, он был под фамилией жены – Филоненко – и назвался Петром. Черты его лица не были ярко выраженного еврейского типа. Но то ли кто-то выдал его еврейское происхождение, то ли случайность сыграла свою роковую роль – он трагически погиб. Жена Соломона и мои племянники Ганка и Василь часто приезжали, когда мы жили в Кривом Роге. Глядя на щедро накрытый гостеприимный стол, мы вспоминали голодное детство. И я вновь и вновь рассказывал о кусочке хлеба, который маленькая девочка протянула немцу.

И. Скарбовский

ТАТЬЯНА/ЕЛИЗАВЕТА

(История нашей мамы)

Эту историю поведала нам Майя, моя сестра, а ей, открылась наша мать.

Последние годы жизни незабвенная мамочка, Татьяна Григорьевна Шварцман, прожила с дочерью в самом центре Одессы – в переулке Некрасова, в доме 3/5, где я вырос, где прошли мои детство, юность, становление человека и гражданина. Здесь я был подвергнут любви матери такой силы, что только с годами, став отцом прекрасных дочерей, Ирины и Ренаты, дедом троих чудных внучек (бывают ли иные?), смог осознать, как любила меня мать. Почему любовь эта скорее напоминала любовь волчицы к своему детёнышу?

Сколько себя помню, иначе как Татьяна никто маму не называл. Только отец всегда звал её Танюшкой. Он был старше её на 12 лет. В войну потерял малолетнюю дочь, расстался с женой, и во втором уже браке, в тяжёлое послевоенное время, поднимал с мамой нас на ноги. Жили мы не богато, но всегда были сытыми, обутыми, одетыми и обученными. Отец был великим тружеником. Специалистов его уровня нужно было поискать в громадной послевоенной Украине.

Повзрослев, я часто задавался вопросом – почему, Елизавета по рождению, стала Татьяной по жизни? В общих чертах знал, но не более. Выспрашивать было страшно, да и воспоминания не прибавили бы здоровья матери, страдающей от гипертонии.

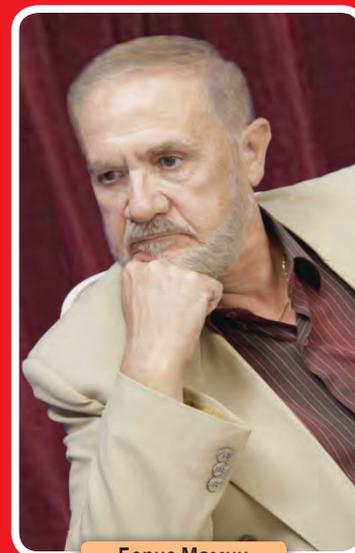
Летели годы. Пришло понимание необходимости передать детям сведения из чёрно-жёлтых страниц истории Танюшки. Благо сестра знала подробности не проходящей боли прекрасной Женщины, матери, жены, дочери — Лизы Шварцман, 1919 г.р. История её короткого женского счастья в первом браке – всего лишь фраза в необъятной летописи трагедии, названной Холокостом. Но какая фраза! Однако, по порядку.

Не так давно мэр Киева, известный боксёр, политик, теперь хозяйственник,

Виталий Кличко заявил: «Дело моей чести возвести и торжественно открыть к 75-летию одной из трагедий Второй мировой войны — массовому уничтожению мирных граждан в Бабьем Яру, под Киевом, — новый мемориал». Именно тогда пришла мысль отдать дань памяти моим малолетним братикам, которых, кроме как на фото, никогда не видел. Потребовался подходящий стихотворный материал — подоснова к написанию реквиема. После длительного поиска такое стихотворение нашлось. ПЕРВАННЫЙ СОНЕТ называется.

Сегодня, когда необычный по стилистике Романс-реквием для мужского голоса написан, хочу поведать, более для наших с Майей детей и внуков, историю Танюшки/Лизоньки.

Наша мать, Елизавета Шварцман была младшей из четырёх детей обычной одесской семьи Григория (Герша) и Ольги (Эльки) Шварцман. Три сестры-красавицы – Люба, Рива, Лиза, похожие на бабушку Ольгу, их несколько странный брат Михаил росли в центре Одессы, на ул. Спиридоновской. Наш дед, Григорий, некогда владелец двух магазинов женского платья как нэпман был раскулачен большевиками сразу после революции. Ему вручили «Волчий билет», что в годы бурного строительст-

Борис Мамин

Елизавета и Владимир Хаит. 1936

Мама с моим папой
в первые годы совместной жизни после войны

Возложение цветов 27 января
к Мемориалу.
Стела установлена в Прохоровском парке.
Именно там был сборный пункт, откуда
колонны евреев гнали в гетто
Доманёвка, Богдановка, Сливино и др.

ва светлого Социалистического Завтра означало нищенское существование.

Взрослевшие девочки мечтали поскорее выйти замуж. В год рождения Лизы, замужем за одесским коммерсантом оказалась самая красивая наша тётя-Любовь. Затем Ревека встретила военного интенданта финансиста. Они покинули отчий дом, следуя за мужьями.

Голодомор 32- 33 гг. резко подорвал здоровье бабушки Ольги. Лиза увезла ее в Батуми к старшей дочери. Вскоре бабушка умерла, а менее чем через год и дедушка. Лиза возвращается в Одессу.

Надо сказать, что семья Шварцман была в добрых, приятельских отношениях с соседями, дружной семьёй Хаит. Их старший сын Владимир с детства дружил с Лизой. Как и тысячи сверстников «соци-десятых», он увлекался авиацией. Повзрослев, стал более увлечённым красивой соседкой, нашей будущей мамой. В 1934 году образовалась семья. Ранний брак никого не смутил. Появление первенца Гарика у 16-летней мамочки – стало

большой радостью в дружной семье курсанта военного лётного училища. Затем Лиза родила второго малыша — Алика. К началу войны 22-летняя женщина путём невероятных усилий мужа курсанта, при поддержке его родителей, растила крепких сыновей без малого 6 — и и 4-х лет от роду.

Военный лётчик, ст. лейтенант Владимир Хаит пал смертью храбрых в первые дни войны. На восьмом десятке дней героической обороны Одессы, Ставка Верховного приказа войскам оставить город. Старшим сёстрам мамы удалось эвакуироваться. Как же могло так случиться, что они не взяли с собою младшую сестру с малолетними племянниками, даже не простились? Это до сих пор остаётся для нас загадкой. Скорее всего, молоденькая, неопытная жена военного отказалась покинуть семью, родителей Владимира. Свекровь Лизы начала возводить памятник на могиле безвременной умершей дочери Клары, талантливой скрипачки, сту-

дентки консерватории. Как же не завершить? Решили не покидать Одессу.

Началась немецко-румынская оккупация, а в ответ — мощное партизанское движение. Как следствие жесточайшие карательные операции против мирного гражданского населения. Кажалось, что десяткам тысяч повешенных на фонарных столбах в центре Одессы, сожжённых в пороховых складах, замученных в подвалах Сигуранцы (румынская контрразведка, жандармерия), убитых просто так — днём, на улицах не будет конца и края.

В многонациональной Одессе до войны еврейское население составляло почти треть. Не успевшие или не желавшие эвакуироваться евреи, как обычно в истории народа, несли самое тяжкое испытание, предначертанное теорией геноцида. В самом начале 1942 года Лизе сообщили о свекрови, найденной убитой в парадном подъезде. Не успели похоронить несчастную женщину, как всю семью арестовали. В тюрьме на ул. Водопроводной оказались 90-летний дед, отец Пётр, младший сын Александр Хаиты и Лиза Шварцман-Хаит с мальчиками.

Незадолго до ареста добрый знакомый Лизы, армянин выправил её документы. Теперь наша мама, с чёрными, как смоль, волосами, стала армянкой, Татьяной Кукурян (?). Имя Татьяна она носила всю оставшуюся жизнь.

От умирающего прадеда мальчики заразились брюшным тифом. Лиза умоляла тюремного врача румына спасти детей и он, к чести своей, оказывал детям необходимую врачебную помощь. Однажды к больным заключённым пожаловал военврач немец. Судьба моих братьев была решена незамедлительно, сразу же после осмотра Гарика и Алика голышом... Последовало указание медсестре. К вечеру малышам ввели в/в инъекции. Смерть наступила быстро. На глазах у не успевшей ничего сообразить матери. Ночь Лиза провела с остывающими телами любимых сыновей. Утром следующего дня 23-летняя молодая, красивая женщина разглядела седину на своей голове...

Что же я так медленно стал набирать этот, полный горя и печали текст?

Текут слёзы. Горло сдавил нервный ком. Сердце стучит, как набат. Монитор застит.... А ведь прошло без малого три четверти века! Можно ли простить такое? Имею ли я полномочия прощать от имени моих убиенных братиков Гарика и Алика? И кого сегодня прощать? Палачей всех мастей самих давно прибрал Всевышний на свой, самый суровый суд. Наш же, суд людей 21-го века, – это вечная память о жертвах Холокоста, способность никогда и ни за что не допустить повторения трагедии.

Татьяне Кукурян удалось чудом выйти из тюрьмы. Думаем, не без помощи румынского врача. Она устроилась домработницей в семью одесских фольксдойч. Те ожидали с Восточного фронта племянника Карла. Против воли Татьяны они очень хотели познакомиться его с красивой молоденькой девушкой. Как-то Таня шла покупать лимонад в магазин на ул. Ланжероновской, почти у знаменитого на весь мир Одесского театра оперы и балета. В районе городского сада, что на ул. Дерibasовской, навстречу ей шла дворничиха со Спиридоновской. Рядом жандармы.

— Хватайте жидовку, — закричала она жандармам. На чердаке у дворничихи, перед самой войной Лиза спрятала чемоданы, полные подарков от брата мужа, талантливого инженера, направленного на стажировку в США Маму тут же арестовали. Так, красиво одетая в новую кофточку и короткую чёрную юбочку, Лиза/Таня оказалась в концентрационном лагере-гетто в селе Сливино (колония Штейнберг, школа СС), Варваровского района под Николаевом. Гетто было создано для использования труда цыган и евреев. Из того периода мы знаем совсем немного. Редкая физическая и духовная красота мамочки и здесь охраняла её. Румынскому фельдшеру удалось спасти ей отмороженную ногу. Гангрена отступила.

В начале весны 1944 года стало окончательно ясно, конец войны не за горами. Однажды заключённых вывезли на свекольное поле. Приказали рыть большой ров. В его назначении мало кто сомневался. Когда работа подходила к завершению, на чёрном

лимузине появился высокий немецкий военный чин. Кратко, по-немецки отдал распоряжение и, торопясь, уехал. Через три часа заключённые были доставлены грузовиками в Одессу, на территорию табачной фабрики, что на ул. Тираспольской.

За несколько недель до освобождения Одессы, 10 апреля 1944 года узникам объявили о свободе. Когда же раскрыли ворота, хлынувшая толпа сбила с ног ослабевшую женщину. Таню почти затоптали. Придя в себя, она побрела домой. Увы — всё было уничтожено бомбёжкой. Тогда мама пошла к доброй знакомой, модистке Мане на ул. Пастера. Там находился только что вернувшийся с фронта после контузии, чудом спасшийся от повешения в коротком немецком плену и уже работавший по специальности Даниил. Он принёс Мане материал для пошива рубашки.

Той весной начинается история нашей с сестрой семьи. История вторых браков Лизы и Даниила, история Майи и Бориса, их четверых детей и шестерых внуков.

Позже отец разыскал предательницу дворничиху. Пришёл к ней с Танюшой. Маме стоило большого труда не дать отцу сомкнуть свои сильные руки на горле яркой антисемитки, предательницы и воровки, скрывавшейся после войны от глаз людских.

Самую младшенькую из трёх моих внуков зовут Лизонькой.

Будь счастлива, наша малышка! Будущая чемпионка мира по спортивной гимнастике.

С 1975 года, после первой публикации моих стихов в журнале «Юность», редактируемом тогда Андреем Дементьевым, я принял творческий псевдоним Борис Мамин. В знак безмерной любви к маме Лизе/Танюшке, ко второй моей Одессе-маме. Под ним и творю в меру таланта и сил душевных.

© **Boris Mamin. Odessa**,
Специально для журнала «Судьбы Холокоста»

Аллея памяти жертв Холокоста с молодыми деревьями в Прохоровском парке.

Ул. Решельевская у оперного театра в только что освобождённой Одессе-апрель 1944 года. В этом районе арестовали Татьяну и вывезли в гетто.

Промчались годы,
помня о семье,
о том сонете
и убитой сказке.
И вдруг я вижу,
что в малиновой коляске
катает дед
девчушку по весне.

Я вижу, мой народ,
как прежде, жив,
«Как звезд на небе»*
жизнь евреев множит.
Ни войны, ни наветы,
ни ножи
Не победят народ,
не уничтожат.

* Слова из Торы

Прерванный сонет

1

Рожденья дочки ждали десять лет,
И наконец, семью согрело счастье.
И сшила бабушка ей с рюшечками платье,
Дед сочинил ей джазовый сонет.

Пухлые ручонки,
словно звезды – глазки,
Ждёт тебя, девчонка,
путь – дорога в сказку.
Девочка любимая,
солнце наше ясное,
будет песней длиною
жизнь твоя прекрасная.

2

Ах, первый зубик, первый в жизни шаг,
Надежды и заботы, и тревоги.
Чтобы беду оставить за порогом,
В семье на первый зов её спешат.

Пухлые ручонки,
словно звезды – глазки,
Ждёт тебя девчонка,
путь – дорога в сказку.
Девочка любимая,
солнце наше ясное,
будет песней длиною
жизнь твоя прекрасная.

3

Но предстоял ей путь совсем иной,
Ужасный путь, непостижимый в яви:
паучья свастика вползла в семью войной
и повела к расстрелу в Бабьем Яре.

Истекает кровью
небо на закате.
Мать земля покроет
рюшечки на платье,
Кто твой путь оплатит
прерванным сонетом?
Кто, скажи, заплатит,
девочка, за это?

Музыка *Бориса Мамина*,
Аранжировка *Александра Плотникова*,
слова *Тамары Кримонт*

ХУДОЖНИК

Адельшин Вагиз Адизянович

Профессиональный мастер широко использует арсенал выразительных средств, он сохранил чистоту видения, некую, может быть, наивную веру в безграничные возможности искусства, его способность отвечать на главные вопросы бытия.

Творческая биография художника складывалась непросто. Родился Вагиз в 1939 году в Поволжье, в селе Богдашкино Ульяновской области. Отец — мастер-краснодеревщик рано ушёл из жизни, в семье осталось шестеро детей. Тяжёлые испытания военных и послевоенных лет, голод.

Картина «Реквием Холокосту»

«Я пришел за советом к мулле. Мулла сказал: иди к раввину!»

«В центральный зал Синагоги эту картину внесли закатанной в рулон. Стали разворачивать – места на полу не хватило, мешали скамьи. Шутка ли: размер холста 10 на 7 метров.

– Эта картина называется «Реквием Холокосту», – рассказывает Вагиз Адизянович Адельшин, 76-летний петербургский художник, татарин по национальности, – слева оркестр заключенных. Их заставляли играть в то время, когда пытали и мучили других евреев. Потом всех музыкантов расстреляли. В центре картины – восстание в Варшавском гетто, в концентрационном лагере Трешлинка, недалеко от Варшавы в августе 1943 года. На заднем плане – поезда, доставлявшие евреев в концлагерь.

Вагиз Адельшин готовил эту картину около 4 лет. А как закончил – начался кошмар. – Души убитых евреев приходят ко мне во сне, протягивают руки, о чем-то просят, – содрогаясь, рассказывает художник. – Что они хотят? Может быть, какую-то молитву просят? Может, я должен что-то для них сделать? Я человек верующий, пошел к мулле. А он – посоветовал обратиться к раввину!

Так Вагиз Адизянович оказался в кабинете у раввина Цви Пинского. А потом и принес свою картину, чтобы показать ее в Синагоге»...

Все началось с рассказа польской дамы.

После перестройки Вагиз Адизянович колесил по всей Европе, подрабатывал портретами и копиями, быстро осваивал разговорные языки. История картины о Холокосте началась в Варшаве. Художник пришел к одной очень немолодой даме – писать ее портрет. На стене у той висела маленькая плакетка, на ней выемка, а внутри – рисованный углем колос пшеницы и надпись по-польски: «Дай нам, Б-же, хлеб насущный». Художнику стало интересно, что за картинка такая. И услышал страшную историю.

Рассказ польской дамы

«Это было в войну. Кто-то постучал в дверь. Открываю – на пороге высокий, худой мужчина. Одежда на нем висела, как на вешалке.

– Пани! Дайте кипятку! У меня в гетто семья умирает.

Гетто находилось совсем рядом, на соседней улице.

Я предложила ему поесть. Он отказывался. Но я его усадила, накормила – он каждую крошку подбирал. Звали его Йозек, он был художник, ювелир. Я дала ему хлеба для семьи. И сказала, чтобы постарался выбраться ко мне и на следующей неделе – я шила мундиры для немцев, и мне должны были выдать продуктовую карточку. Он пришел и подарил мне плакетку – новенькую, блестящую. Я была изумлена, велела снова приходиться. Но он не пришел. Вскоре я увидела его из окна трамвая, выскочила...

– Йозек, почему не пришел?

– Пани, мне неудобно брать у тебя хлеб. Мне больше нечего дать тебе взамен.

Я с трудом выспросила у него, где находится его барак. Через несколько дней добыла бутылку вина, сунула охране – пропустили. Я принесла Йозеку еды – но там уже не было ни его самого, ни его семьи. Мне рассказали, что все его родные умерли, а сам Йозек развел в ведре мел и на стене написал: «Leben und leben lassen» («Живи сам и давай жить другим – ред.»). За это его расстреляли. В память о Йозеке я берегу эту плакетку. Видать, уголь потом у него кончился, он больше не мог для меня ничего нарисовать, и ему было неловко брать у меня хлеб...»

– Благородство Йозека меня потрясло, – рассказывает Вагиз Адизянович. – У него семья умирает, а ему неловко, видишь ты... Сначала я думал написать портрет этого Йозека. Потом побывал в еврейском музее. Видел фотографии. Мертвые дети на зем-

ле, столько трупов... Самое страшное – я смотрел на этих детей и ужасался: ведь это мои одноклассники! Думал, с ума сойду. Потом я поехал по лагерям: Освенцим, Майданек. Общался с выжившими. Материалов накопил – одних набросков полмашины. Сделал сначала эскиз метр на метр. Но что передашь на таком маленьком холсте? Решил увеличить в 10 раз. Большую картину писать недешево: нужно арендовать мастерскую, покупать холсты, краски. До обеда я занимался халтурой – брался за любые заказы. А после обеда писал картину. Девять с половиной месяцев работал...»

Его упрекали: лучше бы ты себе на квартиру заработал! И вообще, где ты и где еврей? Он отвечал:

— Мы все рождаемся одинаковыми! Истребление нации – разве можно относиться к этому равнодушно?

Он не иуда, он татарин!

В годы войны дядя Вагиза Адизяновича с товарищами попал под Севастополем в плен. Среди них был горбоносый лейтенант-еврей. Немцы привели пленников в церковь. Переводчик сказал еврей: «А тебя, иуда, мы расстреляем!». И тут дядя неожиданно для себя выкрикнул: «Это не иуда, это татарин!». «А чем докажешь?» – поинтересовались немцы.

И тут дядя сделал то единственное, что в этой ситуации оставалось: снял штаны. И татарин, и «иуда» были обрезаны. Немцы поверили, лейтенант остался жив. Он дружил с дядей и приезжал к нему до самой смерти.

Что же сказал раввин?

Рассказ начался с того, что Вагиз Адизянович оказался в Синагоге, в кабинете у раввина. Что же сказал ему рав Цви Пинский?

– В еврейской традиции есть несколько дат, когда читается молитва за умерших. Тогда же мы молимся и за души погибших в Холокост. Эти люди попали сразу в рай. Б-г принял их с распростертыми объятиями. Их души не страдают.

После этих слов Вагизу Адизяновичу стало легче. В любом случае, он ни о чем не жалеет:

– Я выполнил свой долг. Оставил память.

В рассказе о творчестве и жизненном пути художника использованы статьи картины и монограммы из интернета

Любочка

на-ру-чий мо-роз, на-метель, го-лолед,
 на-гибель был из-гнан мой бед-ный на-род,
 ма-ть те-лом ста-ралась ре-бенка со-греть,
 ста-ремься ото-гнать не-насыт-ную см-рть:
 "Лю-ба-шень-ка, Лю-боч-ка, Лю-ба, про-спи-сь!"
 слезинки с ресничек не капают вниз,
 слезинки застыли на бледных щеках,
 у Лю-бочки ку-кла в за-мерзших ру-ках.
 "Лю-ба-шень-ка, Лю-ба, Лю-бовь!"
 в толпе го-лос ма-тери слы-шится в-новь,
 ды-ханьем ста-ралась жизнь до-чке вер-нуть,
 шли лю-ди в по-следний губи-тель-ный пу-ть.
 ту ку-клу я Лю-бе, про-ща-ясь да-ла,
 а де-вочка Лю-ба сес-трой мне бы-ла,
 а жизнь все то-ропится, жизнь все слы-шит,
 а в па-мяти Лю-боч-ка с ку-клой сто-ит.
 Лю-ба-шень-ка, Лю-боч-ка, Лю-ба, Лю-бовь -
 то-ска моих буд-ней, кош-мар моих снов.

Любочка (Любэз)

Музыка Марка Штейнберга, слова Галины Шмульян.

На жгучий мороз, на метель, гололед,
 На гибель был изгнан мой бедный народ,
 Мать телом старалась ребенка согреть,
 Стремься отогнать ненасытную смерть:

"Любашенька, Любочка, Люба, проснись!"
 Слезинки с ресничек не капают вниз.
 Слезинки застыли на бледных щеках.
 У Любочки кукла в замерзших руках.

"Любашенька, Любочка, Люба, Любовь!"
 В толпе голос матери слышится вновь.
 Дыханьем старалась жизнь дочке вернуть,
 Шли люди в последний губительный путь.

Ту куклу я Любе, прощаясь дала,
 А девочка Люба сестрой мне была.
 А жизнь все торопится, жизнь все слышит,
 А в памяти Любочка с куклой стоит.

Любашенька, Любочка, Люба, Любовь -
 Тоска моих будней, кошмар моих снов.

Музыка Марка Штейнберга, слова Галины Шмульян

Розыск людей, связь с которыми прервана

Редакция журнала «Судьбы Холокоста» СОВМЕСТНО с Управлением абсорбции г. Хайфа, (Израиль) Координационным Центром розыска родных и близких «ЖДИ И НАЙДИ МЕНЯ» объявляет о Поиске следующих людей:

•••

Самойлова Роксана Лазаревна рождённая в 1940 году в г. Харькове, Украина. Разыскивает названного брата Мишу, спасённого её матерью Валентиной Якимовной Ивановой во время Холокоста от фашистов и проживавшего у них в семье. В 1946-1947 годах Мишу забрали его приехавшие родственники.

•••

Коршина \ Гутман – девичья \ Дина Львовна 1936 года, родилась в г. Казань. Репатриировалась в Израиль в 1994 году из Казани, Татарстан. Разыскивает двоюродных сестёр Фуксман Тамару – 1940 г. р., и двоюродную сестру Фуксман Нину 1947 г. и двоюродного брата Фуксман Алика 1932 г., родившихся в г. Харькове, Украина. Связь с родными утеряна в 1960 году

•••

Куркина\Бегельман — девичья\ Клара Абрамовна, рождённая в 1942 году в г. Алма-Аты, Казахстан. Разыскивает родственницу Забайкину Людмилу Николаевну 1964 года, рождённую в г. Ачинске, Россия. Связь между ними утеряна в 1975 году.

•••

Клейнн Айзик Михайлович, 1934 года, родился в г. Вайнуте, Литва. Разыскивает коллегу по работе Дорфман \ девичья \ Асю, рождённую в 1933 году, в городе Вильнюс, Литва. Связь с Дорфман Асей утеряна в 2009 году.

•••

Стукалов Владимир Леонидович 1947 года, родился г. Иркутске, (Россия.) Разыскивает тётю Хасину Антонину Моисеевну, рождённую в 1933 году, в г. Иркутске, России. Связь с Хасиной Антониной утеряна в 1968 – 1970 годах.

Лазина Алла Лазаревна, рождённая в 1937 году в г. Киеве, Украина. Разыскивает по просьбе её тётки Борщевской \ Братчиковой-девичья \ Валентины Кузминичной, участницы ВОВ – родственников и друзей испанских детей, направленных из Испании в 1937 году в СССР и размещённых в Детском Доме № 13 в Святошино г. Киева, Украина. Девушка Валентина Братникова \ по мужу Борщевская \, в 1937 году работала воспитательницей в этом Детском Доме, одними из этих воспитанников были: Сусана, Роберта, Амелия, Лена Лайора, Лиреа Латорре и Исидора Ааморре, проживавшая в г. Бальбао 1989 году в Испании.

•••

Намакштанский Давид Михайловнч, 1942 года, родился в г. Орск, Оренбургской области, в России. Репатриировался в Израиль в 1996 году из Запорожья, Украина. Разыскивает двоюродного брата Брунштейн Давида Пейсоховича \ Петровича \ 1937 г. р. и его жену Брунштейн Татьяну Ефимовну, родившихся в г. Запорожье, Украина. Связь с родными утеряна в 1980 году.

•••

Захаров Александр Александрович, рождённый в 1983 году в Москве, Россия.

Разыскивает тётю Полонскую \ девичья \ Ингу Георгиевну 1950 — 1955 года, рождённую в г. Москва, (Россия) и её родных. Связь между их семьями утеряна в 1960 году.

Телефоны для связи с Координационным Центром:

каждый четверг
с 11:00 до 13:00

04-8642428

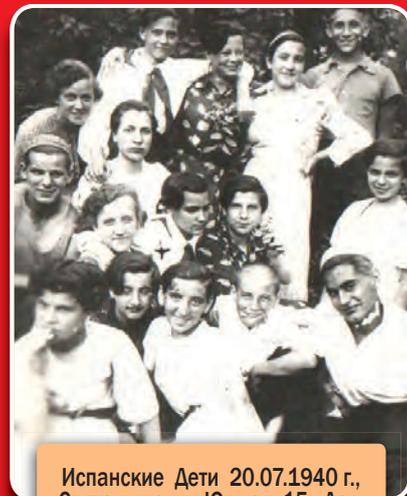
ежедневно
с 11:00 до 21:00

0544-833258

– Анатолий.

С уважением
Координатор Центра
“Жди и найди Меня” г. Хайфы,
Фельдман Анатолий

Фотографии воспитанников Детского Дома № 13 в Святошино

Испанские Дети 20.07.1940 г., Святошино, ул. Южная, 15, Дед. Дом №13

Другу и воспитателю Вале Братчикове от нашей семьи. Исидоро Ааморе. Бильбао. 18.04.1989 г.

Вы думаете...

Вы думаете – всё уйдёт
бесследно в вечность или в Лету?

Разрушится духовный свод,
ещё весь устремлённый к свету?

И мыслей строй, творя в словах
смысл жизни, злом к нам обернётся?

Свободы крик вдруг на устах
замолкнет, к людям не прорвётся?

И правда рухнет в час немой
пред ложью в страхе на колени?

И разум от тоски и лени
за Истину не вступит в бой?

Священных для людей страниц
все буквы, символы и знаки
падут пред властью страшной ниц,
как перед палачом на плахе?

Наверно, будет так, когда
замрёт в нас совесть навсегда

Золотковский Фридрих Мунусович.

Гамбург.

Ученые подсчитали ... Исследователи Холокоста зафиксировали 42500 гетто и лагерей

Ученые подсчитали общее количество концлагерей Третьего рейха. Сотрудники американского музея Холокоста около 13 лет назад начали масштабное исследование, целью которого стал подсчет всех существовавших в нацистской Германии и на захваченных ею территориях концентрационных лагерей, гетто, мест рабского труда и лагерей смерти. Недавно ученые обнародовали результаты многолетней работы, которые потрясли общественность. Исследователи Холокоста насчитали 42500 гетто и лагерей, функционировавших с 1933 по 1945 год, и составили полный каталог этих мест, разбросанных по огромной территории от Франции до России. Первые из них появились в самом начале правления Гитлера. В 1933 году были созданы 110 спецлагерей, в которых содержались 10.000 политических оппонентов, душевно больных и других неугодных режиму людей. Самым большим таким местом является Варшавское гетто, в котором в неволе содержались более полумиллиона евреев. Самый маленький лагерь, в котором содержались всего несколько десятков человек, назывался Мюнхен Швабинг. Обнародованные результаты исследования помогут многим жертвам Холокоста, которые находились в ранее неизвестных концлагерях и гетто, получить компенсации.

Старая - престарая история

Опубликовал HUNTER | 17.08.2010

Столица Боливии Ла-Пас расположена на высоте пять тысяч метров над уровнем моря. Выше не заберешься — нечем дышать. Там есть ламы, индейцы, засушенные солнцем плато, вечные снега, мёртвые города. По тропическим долинам рыщут золотоискатели и ловцы гигантских бабочек.

Шоненбаум грезил этим городом едва ли не каждую ночь, пока два года томился в немецком концлагере в Торнберге. Потом пришли американцы и распахнули перед ним двери в мир, с которым он совсем было распрощался. Он был портным из Лодзи и продолжал старинную традицию, прославленную до него пятью поколениями польско-еврейских портных. В конце концов, Шоненбаум перебрался в Ла-Пас и после нескольких лет истового труда сумел открыть собственное дело и даже достиг известного процветания под вывеской «Шоненбаум, парижский портной». Заказов становилось все больше; вскоре ему пришлось искать себе помощника. Задача оказалась не из простых: среди индейцев с суровых плато встречалось на удивление мало портных «парижского класса» — тонкости портняжного искусства не давались их задубевшими пальцам. Обучение заняло бы так много времени, что не стоило за него и браться. Оставив тщетные попытки, Шоненбаум смирился со своим одиночеством и грудой невыполненных заказов. И тут на помощь пришёл неожиданный случай, в котором он усмотрел перст, благоволившей к нему Судьбы, ибо из трехсот тысяч его лодзинских единоверцев уцелеть посчастливилось немногим.

Жил Шоненбаум на окраине города. Каждое утро перед его окнами проходили караваны лам. По утрам, направляясь в свое ателье, Шоненбаум встречал такие караваны. Иногда два, иногда три индейца перегоняли караваны к далеким андийским деревушкам.

Как-то ранним утром Шоненбаум спустился в город. Завидев караван, он, как всегда, умиленно заулыбался и умерил шаг,

чтобы погладить какое-нибудь животное. В Германии он никогда не гладил ни кошек, ни собак, хотя их там водится великое множество; да и к птицам оставался равнодушен. Разумеется, это лагерь смерти столь недружелюбно настроил его к немцам. Глядя бок ламы, Шоненбаум случайно взглянул на погонщика-индейца. Тот шлёпал босиком, зажав в руке посох, и поначалу Шоненбаум не обратил на него особого внимания. Его рассеянный взгляд готов был соскользнуть с незнакомого лица: ничего особенного, лицо как лицо, худое, обтянутое жёлтой кожей и как будто высеченное из камня: словно над ним много столетий подряд трудились нищета и убожество. Вдруг что-то шевельнулось в груди Шоненбаума — что-то смутно знакомое, давно забытое, но все ещё пугающее. Сердце бешено застучало, память же не торопилась с подсказкой. Где он видел этот беззубый рот, угрюмо повисший нос, эти большие и робкие карие глаза, взирающие на мир с мучительным упреком: вопрошающе-укоризненно? Он уже повернулся к погонщику спиной, когда память разом обрушилась на него. Шоненбаум сдавленно охнул и оглянулся.

— Глюкман! — закричал он. — Что ты тут делаешь?

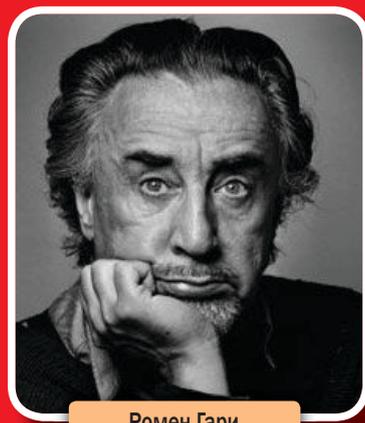
Инстинктивно он крикнул это на идише. Погонщик шарахнулся в сторону, будто его обожгло, и бросился бежать. Шоненбаум, подпрыгивая и дивясь собственной резвости, кинулся за ним. Надменные ламы чинно и невозмутимо продолжали шагать дальше. Шоненбаум догнал погонщика на повороте, ухватил за плечо и заставил остановиться. Ну конечно, это Глюкман — никаких сомнений: те же черты, то же страдание и немой вопрос в глазах. Разве можно его не узнать? Глюкман стоял, прижавшись спиной к красной скале, разинув рот с голыми дёснами.

— Да это же ты! — кричал Шоненбаум на идише. — Говорю тебе, это ты!

Глюкман отчаянно затряс головой.

— Не я это! — заорал он на том же языке. — Меня Педро зовут, я тебя не знаю!

— А где же ты идишь выучил? — торже-

Ромен Гари

Биография Романа Гари сама по себе читается как захватывающий и невероятный роман. Настоящее имя писателя Роман Кацев, известный так же как Эмиль Ажар (Emile Ajar), Шатан Богат (de Shatan Bogat), Фоско Синибальди (de Fosco Sinibaldi) родился в городе Вильно (сейчас Вильнюс, Литва) 8 мая 1914 года. Мать Романа Мина Иоселевна Овчинская — еврейская провинциальная актриса, сведения об отце (Кацев) противоречивы.

На улицах столицы Боливии Ла-Пас, а полное название этого города звучит, как Нуэстра-Сеньора-де-Ла-Пас, в переводе с испанского означает: Богоматерь мира

ствующе вопил Шоненбаум. — В боливийском детском саду, что ли?

Глюкман ещё шире распахнул рот и в отчаянии устремил взгляд на лам, словно ища у них поддержки. Шоненбаум отпустил его.

— Чего ты боишься, несчастный? — спросил он. — Я же друг. Кого ты хочешь обмануть?

— Меня Педро зовут! — жалобно и безнадежно взвизгнул Глюкман.

— Совсем рехнулся, — с сочувствием проговорил Шоненбаум. — Значит, тебя зовут Педро. А это что тогда?

— Он схватил руку Педро и посмотрел на его пальцы: ни одного ногтя. — Это что, индейцы тебе ногти с корнями повыдергали?

Глюкман совсем вжался в скалу. Губы его, наконец, сомкнулись, и по щекам заструились слезы.

— Ты ведь меня не выдашь? — залепетал он.

— Выдашь? — повторил Шоненбаум. — Да кому же я тебя выдам? И зачем?

Вдруг от жуткой догадки у него сдавило горло, на лбу выступил пот. Его охватил страх — тот самый панический страх, от которого вся земля так, кажется, и кишит ужасами. Шоненбаум взял себя в руки.

— Да ведь все кончилось! — крикнул он. — Уже пятнадцать лет как кончилось.

На худой и жилистой шее Глюкмана судорожно дёрнулся кадык, лукавая гримаса скользнула по губам и тут же исчезла.

— Они всегда так говорят! Не верю я в эти сказки.

Шоненбаум тяжело перевёл дух: они были на высоте пять тысяч метров. Впрочем, он понимал: не в вы-

соте дело.

— Глюкман, — сказал он серьезно, — ты всегда был дураком. Но все же напрягись немного. Все кончилось! Нет больше Гитлера, нет СС, нет газовых камер. У нас даже

есть своя страна, Израиль. У нас своя армия, своё правительство, свои законы! Все кончилось! Не от кого больше прятаться!

— Ха-ха-ха! — засмеялся Глюкман без намёка на веселье. — Со мной этот номер не пройдет.

— Какой номер с тобой не пройдет? — опять закричал Шоненбаум.

— Израиль, — заявил Глюкман. — Нет его.

— Как это нет? — рассердился Шоненбаум и даже ногой топнул. — Нет, есть! Ты что, газет не читаешь?

— Ха! — сказал Глюкман, хитро прищурившись.

— Даже здесь, в Ла-Пасе, есть израильский консул! Можно получить визу. Можно туда поехать!

— Не верю! — уперся Глюкман. — Знаем мы эти немецкие штучки.

У Шоненбаума мороз прошёл по коже. Больше всего его пугало выражение хитрой проницательности на лице Глюкмана. «А вдруг он прав? — подумалось ему. — Немцы вполне способны на такое: явитесь, мол, в указанное место с документами, подтверждающими вашу еврейскую принадлежность, и вас бесплатно переправят в Израиль. Ты приходишь, послушно садишься в самолет — и оказываешься в лагере смерти. Бог мой, — подумал Шоненбаум, — да что я такое насочинял?» Он стер со лба пот и попытался улыбнуться.

Глюкман продолжал с прежним видом осведомлённого превосходства:

— Израиль — это хитрый ход, чтобы всех нас вместе соединить. Чтобы, значит, даже тех, кому спрятаться удалось. А потом всех в газовую камеру... Ловко придумано. Уж немцы-то это умеют. Они хотят всех нас туда согнать, всех до единого. А потом всех разом... Знаю я их.

— У нас есть своё собственное еврейское государство, — вкрадчиво, будто обращаясь к ребенку, сказал Шоненбаум. — Есть президент, его зовут Бен-Гурион. Армия есть. Мы входим в ООН. Все кончилось, говорят тебе.

— Не пройдет, — упрямо твердил Глюкман. Шоненбаум обнял его за плечи.

— Пошли, — сказал он. — Жить будешь у меня. Сходим с тобой к доктору.

Шоненбауму понадобилось два дня, чтобы разобраться в путаных речах бедняги.

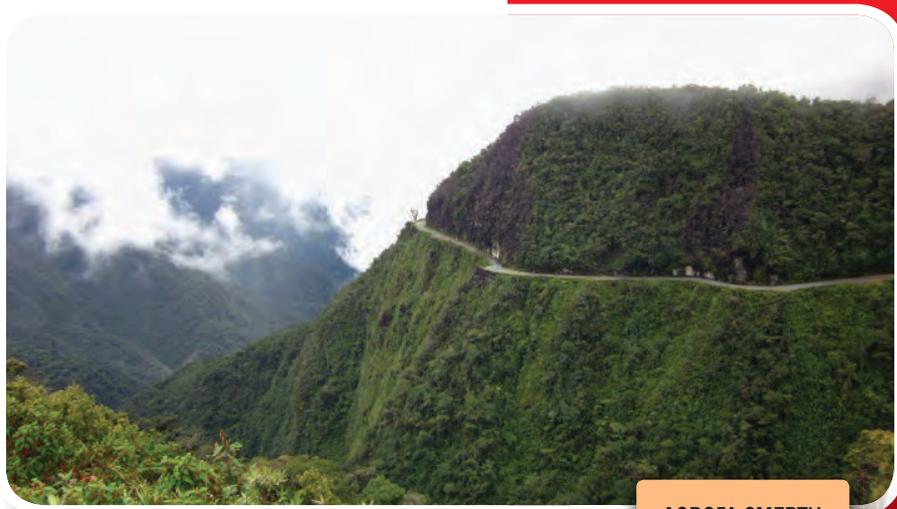
После освобождения, которое он объяснял временными разногласиями между антисемитами, Глюкман затаился в высокогорьях Анд, ожидая, что события вот-вот примут привычный ход, и, надеясь, что, выдавая себя за погонщика со склонов Сьерры, он сумеет избежать гестапо. Всякий раз, как Шоненбаум принимался растолковывать ему, что нет больше никакого гестапо, что Гитлер мёртв, а Германия разделена, тот лишь пожимал плечами: уж он-де знает что почём, его на мякине не проведешь. Когда же, отчаявшись, Шоненбаум показал ему фотографии Израиля: школы, армию, бесстрашных и доверчивых юношей и девушек, — Глюкман в ответ затянул заупокойную молитву и принялся оплакивать безвинных жертв, которых враги вынудили собраться вместе, как в варшавском гетто, чтобы легче было с ними расправиться.

Что Глюкман слаб рассудком, Шоненбаум знал давно; вернее, рассудок его оказался менее крепким, нежели тело, и не выдержал зверских пыток, выпавших на его долю. В лагере он был излюбленной жертвой эсэсовца Шульцге, садиста, прошедшего многоэтапный отбор и показавшего себя достойным высокого доверия. По неведомой причине Шульцге сделал несчастного Глюкмана козлом отпущения, и никто из заключенных уже не верил, что Глюкман выйдет живым из его лап.

Как и Шоненбаум, Глюкман был портным. И хотя пальцы его утратили былую ловкость, вскоре он вновь обрёл достаточно сноровки, чтобы включиться в работу, и тогда «парижский портной» смог, наконец, взяться за заказы, которых с каждым днем становилось все больше. Глюкман никогда ни с кем не разговаривал и работал, забившись в темный угол, сидя на полу за прилавком, скрывавшим его от посторонних глаз. Выходил он только ночью и отправлялся проведать лам; он долго и любовно гладил их по жесткой шерсти, и глаза его при этом светились знанием какой-то страшной истины, абсолютным всепониманием, которое подкреплялось мелькавшей на его лице хитрой и надменной улыбкой. Дважды он пытался бежать: в первый раз, когда Шоненбаум заметил, как-то походя, что минула шестнадцатая годовщина крушения гитлеровской Германии; во второй раз, когда пьяный индеец принял-

ся горланить под окном, что-де «великий вождь сойдёт с вершин и приберет все к рукам».

Только полгода спустя после их встречи, незадолго до Йом Кипур, в Глюкмане что-то переменилось. Он вдруг обрёл уверенность в себе, почти безмятежность, будто освободился от чего-то. Даже перестал прятаться от посетителей. А однажды утром, войдя в ателье, Шоненбаум услы-

ДОРОГА СМЕРТИ
— По ней ездит транспорт, и погонщики переправляют стада животных.

шал и вовсе невероятное: Глюкман пел. Вернее, тихо мурлыкал себе под нос старый еврейский мотивчик, привезённый откуда-то с российских окраин. Глюкман быстро зыркнул на своего друга, послунывил нитку, вдел ее в иголку и продолжал гнусавить слащаво-заунывную мелодию. Для Шоненбаума забрезжил луч надежды: неужто кошмарные воспоминания оставили, наконец, беднягу?

Обычно, поужинав, Глюкман сразу отправлялся на матрац, который он бросил на пол в задней комнате. Спал он, впрочем, мало, все больше просто лежал в своем углу, свернувшись калачиком, уставясь в стену невидящим взглядом, от которого самые безобидные предметы делались страшными, а каждый звук превращался в предсмертный крик. Но вот как-то вечером, уже закрыв ателье, Шоненбаум вернулся поискать забытый ключ и обнаружил, что друг его встал и воровато складывает в корзину остатки ужина. Портной отыскал ключ и вышел, но домой не пошел, а остался ждать, притаившись в подворотне. Он видел, как Глюкман выскользнул из-за двери, держа под мышкой корзину

с едой, и скрылся в ночи. Вскоре выяснилось, что друг его уходит так каждый вечер, всякий раз с полной корзиной, а возвращается с пустой; и весь он при этом светится удовлетворением и лукавством, будто провернул отличное дельце. Сначала портной хотел напрямик спросить у Глюкмана, что означают эти ночные вылазки, но, вспомнив его скрытную и пугливую натуру, решил не задавать вопросов. Как-то после работы он остался дежурить на улице и, дождавшись, когда из-за двери выглянула осторожная фигура, последовал за ней.

Глюкман шагал торопливо, жался к стенам, порой вдруг возвращался, сбивая с толку возможных преследователей. Все эти предосторожности только разожгли любопытство портного. Он перебежал из подворотни в подворотню, прячась всякий раз, когда его друг оглядывался. Вскоре стало совсем темно, и Шоненбаум едва не потерял Глюкмана из виду. Но все же каким-то чудом нагнал его, несмотря на полноту и большое сердце. Глюкман шмыгнул в один из дворов на улице Революции. Шоненбаум выждал немного и на цыпочках прокрался следом. Из двора был другой выход, против первого, за которым притаилась узкая тёмная улочка. Глюкман куда-то пропал. Портной постоял с минуту, пожал плечами и собрался, было, уходить. Пугая следы, Глюкман изрядно покружил по городу, и Шоненбауму до дома было теперь рукой подать.

Только он вступил в тесную улочку, внимание его привлёк свет ацетиленовой лампы, пробивавшийся сквозь подвальное окно. Рассеянно глянув на освещенный проем, он увидел Глюкмана. Тот стоял у стола и выкладывал из корзины принесённую снедь, а человек, для которого он старался, сидел на табурете спиной к окну. Глюкман достал колбасу, бутылку пива, красный перец и хлеб. Незнакомец, чьё лицо все ещё было скрыто от портного, сказал что то, и Глюкман, суетливо пошарив в корзине, выложил на скатерть сигару. Шоненбаум с трудом оторвался от лица друга: оно пугало. Глюкман улыбался. Его широко раскрытые глаза, горящий, остановившийся взгляд превращали торжествующую улыбку в оскал безумца. В этот момент сидящий повернул голову, и Шоненбаум узнал Шульцце. Ещё секунду

он надеялся, что, может, не разглядел или ему померещилось: уж что-то, а физиономии этого изверга он никогда не забудет. Он припомнил, что после войны Шульцце как сквозь землю провалился; кто говорил, будто он умер, кто утверждал, что он прячется в Южной Америке. И вот теперь он здесь. Коротко стриженные ёжиком волосы, жирная, чванливая морда и глумливая улыбочка на губах. Не так было страшно, что это чудовище ещё живо, как то, что с ним был Глюкман. По какой нелепой случайности он оказался рядом с тем, кто с наслаждением истязал его, кто в течение целого года, а то и больше, упрямо вымещал на нем злобу? Какой потаённый механизм безумия вынуждал Глюкмана приходить сюда каждый вечер и кормить этого живодёра, вместо того чтобы убить его или выдать полиции? Шоненбауму показалось, что он тоже теряет рассудок: все это было столь ужасно, что не укладывалось в голове. Он попробовал крикнуть, позвать на помощь, всполошить полицию, но сумел только разинуть рот и всплеснуть руками: голос не слушался его, — и портной остался стоять, где стоял, выпучив глаза и наблюдая, как недобитая жертва откупоривает пиво и наполняет стакан своему палачу. Должно быть, он простоял так, забывшись, довольно долго; дикая сцена, свидетелем которой он невольно стал, лишила его чувства реальности. Шоненбаум очнулся, когда рядом раздался приглушённый вскрик. В лунном свете он различил Глюкмана. Они смотрели друг на друга: один — с недоумением и негодованием, другой — с хитрой, почти жестокой улыбкой, победоносно сверкая безумными глазами. Неожиданно Шоненбаум услышал собственный голос и с трудом узнал его:

— Ведь он же пытал тебя каждый Божий день! Он тебя истязал! Рвал на части! И ты не выдал его полиции?.. Ты таскаешь ему еду?.. Как же так? Или это я из ума выжил?

Хитрая ухмылка резче обозначилась на губах Глюкмана, и словно из глубины веков прозвучал его голос, от которого у портного волосы зашевелились на голове, и едва не остановилось сердце:

— Он обещал, что в следующий раз будет добрее.

(Рассказ печатается в сокращении)

Девочка из гетто

Читаю журнал «Судьбы Холокоста». Вспоминаю ужас войны, который мне пришлось испытать. Сейчас, когда прошло много лет, когда уже вышла моя книга стихов «Под парусом Любви», я чувствую, что ничего не забылось. И сами собой пишутся стихи о том времени. Я не запрещаю им будить мои воспоминания. И пишу о пережитом, чтобы люди не забывали о Холокосте. Потому что память всегда стоит на страже мира.

*Девочка в гетто мать теребит:
«Что ты все плачешь, сердце болит?
И почему здесь так страшно, темно?
Мы не гуляли по парку давно.*

*Я уж забыла, как пахнут цветы
Шулю, подругу мою, позови»
«Доченька, детка, не плачь, потерпи,
В пекле погибли наши враги,*

*Папа и братик твой скоро придут,
Здесь умереть нам они не дадут,
Будем мы снова по парку гулять,
Будешь, как прежде, цветы собирать*

*В вазе цветы будут так хороши,
Радовать сердце будут они,
Ну, а потом мы все вместе споем,
Как мы все счастливы в доме своем»*

*Дочка не слышала маминых слов:
Дочка была уже в мире ином.*

Софья Колодная.

ПИСЬМО ИЗ ПРАГИ

Удивительная штука человеческая память!

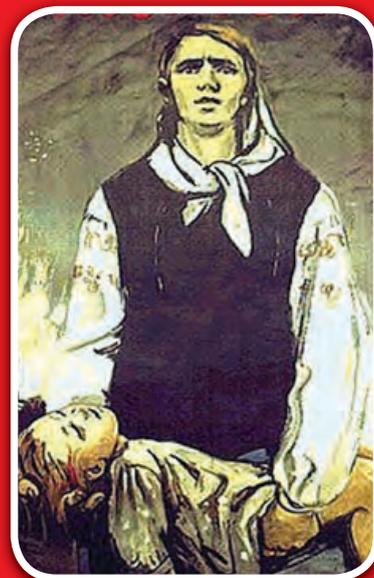
Какое-то событие или новое впечатление способны вызвать у нас цепочку воспоминаний и связанных с ними раздумий. Пару лет назад в Израиле подруга показала мне журнал «Судьбы Холокоста». Я читала и не могла оторваться от "живых" людских исповедей и переживаний о судьбах семей, потерявших своих близких и любимых. Было особенно больно и страшно, что погибли люди только за то, что они евреи. И гордо, что они живут в нашей памяти.

Елена Богданова

Мне 73 года, я родилась в Узбекистане. Мы росли, не различая друзей по национальностям, в классе были татары, казанские и крымские, узбеки, русские, украинцы и один еврей (так я сейчас думаю). Впервые слово еврей я услышала лет в 12. У нас появились новые соседи, и мать семейства называла так мужа, когда они ссорились. В университете у нас в группе учился Дима Анчевский, очень добрый и немного глуховатый, он любил очень громко петь. Волю себе он давал на целине, пел так громко, что было слышно за версту. Мы его любили. В конце шестидесятых я прочла стихотворение Евтушенко "Бабий яр" — это было потрясение, не отпускающее до сих пор. Сейчас это письмо я пишу из Праги, здесь живет моя дочь. Каждый год по несколько месяцев я гощу у них, у Надежды с мужем и с Катюшкой, моей внучкой. А дом мой в Киеве, и у меня есть возможность поклониться безвинно погибшим людям. Когда моему старшему внуку Боре было лет 8, я позвала его в Бабий яр. Была золотая осень, солнечный тёплый день. Запомнились рябины. Их кроны с кровавыми красными кистями усиливали ощущение трагедии, и жутко было ступать по земле, политой кровью людей, недоживших,

Боря задавал сто вопросов в минуту. И вдруг меня пронзила мысль, что его могло

Рябина в Бабьем Яру

не быть! Его, его мамы, бабушки, маленького брата Илюши. Ощущение это - острое и мучительное. В моей жизни могло не быть очень ярких страниц, связанных с первой любовью, со знакомством с Яковом Евсеевичем Гегузиным, которому я по гроб жизни благодарна за помощь.

Я благодарю судьбу за встречу и дружбу с Тamarой, моей одноклассницей. Она живёт в Израиле, мы встретились через 50 лет, она и дала мне ваш журнал. Спасибо, вы делаете большое дело. Памятники, книги, журналы необходимы, — ЧТО-БЫ ПОМНИЛИ!

ЕЛЕНА БОГДАНОВА. Прага.

Именно по правилам и есть – жизнь

Недавно видела по телевизору фильм о немецком парне, оставшемся в Израиле.

Он приехал в Израиль поближе узнать евреев. Приехал и остался. Прошел гиюр, женился на еврейке, они родили детей, которые по законам Галахи – евреи. Немец родил евреев. Как порой непредсказуема жизнь. Одни уничтожают, другие рожают.

А еще этот парень сказал, что трудно быть евреем, который живет по правилам, но он живет. Я думаю, что не только евреям трудно, трудно всем, кто живет по правилам, по чести, по совести. Наверное, в столь почтенном возрасте руководителю проекта «Судьбы Холокоста», Людмиле Барановской тоже трудно, нужны деньги, нужны спонсоры. Надо просить, искать. Но она, несмотря на все трудности, вот уже много лет с завидным упорством ищет, просит и всеми силами пытается сохранить память о прошлом своего народа. Живые истории, живые судьбы, живые люди, к сожалению не все.

Спасибо: Людмиле Барановской, Тамаре Сологуб — Кримонт, Рувиму Килю, Моше Нульману — за труд, за память, которая нужна, нужна всем, и евреям и неевреям, и молодым и старым. Жизнь, она одна.

Надо помнить. Особенно сейчас.

По правилам трудно жить, но именно по правилам и есть жизнь.

Вот лишь несколько комментариев:

Украина, Полтава: «Ваш рассказ читали в классе на уроке мужества, 9 мая...»

Россия: «Жаль, что таких пронзительных повествований много не напишешь, — рассказчики, к сожалению, уходят и уносят с собой Память». Латвия, Рига: «Спасибо за рассказ. Ком в горле...»

Желаю всем сотрудникам проекта здоровья и долгих лет жизни. Спасибо Вам за ваш труд.

Ольга Гамарник, член союза писателей Израиля.

Ольга Гамарник

Пособие памяти

Жизнь, есть жизнь, что бы мы ни делали, каждому приходится прожить столько, сколько предназначено свыше. А вот, как прожили мы, чудом уцелевшие в концлагерях, в гетто, беженцы, перетерпевшие тяготы, лишения, голод, морозы, принимавшие кусочек хлеба, как манну небесную? Это знают не все. Об этом нам рассказывают сами участники тех страшных лет. Не просто для того, чтобы рассказать. Их цель — важнее: не допустить развития фашистских группировок, организаций, подпольных ячеек, будоражащих умы детей, подростков, предотвратить ложь, чернящую прошлое и настоящее еврейского народа, правдой своей жизни опровергнуть наветы на еврейскую историю.

Таким рупором, который постоянно озвучивает память, является журнал "Судьбы Холокоста" В нем, как в зеркале, отражается судьба многих людей, переживших Катастрофу. Жуткие условия нахождения под игом фашизма описывают участники этих событий.

Множество воспоминаний отцов и матерей рассказывают взрослые дети, чьи родители ушли в мир иной. Побег из концлагерей и гетто с помощью подпольных организаций, партизан, дали возможность выжить людям и отразить всё в этом прекрасном журнале.

Благодаря редакционной группе во главе с руководителем Людмилой Барановской ныне живые и здравствующие могут почерпнуть много захватывающих, поучительных эпизодов из воспоминаний периода Второй мировой войны. Редакционная группа не останавливается на достигнутом, стремится расширить зону распространения данного журнала. В настоящее время журнал будет выпускаться не только на русском языке, но и на английском, немецком, иврите и украинском.

Дорогие читатели, я как координатор этого журнала обращаюсь к вам с просьбой:

Журнал не коммерческий, его не спонсирует государство. Если среди вас найдутся спонсоры, способные и готовые помочь в выпуске журнала, мы будем вам очень благодарны. Данный Журнал может быть прекрасным пособием при изучении в школах, в ВУЗах истории Второй Мировой Войны.

Моисей Нульман

Молитва за Израиль

*Дорогие друзья!
В это тяжелое для нашего народа время мы предлагаем вам присоединить свой голос к раздающимся в самых разных уголках планеты молитвам о безопасности евреев Израиля и диаспоры.*

Просим вас помочь распространить этот текст, составленный раввином А.Штейнзальцем, всеми доступными вам путями среди наших соплеменников и друзей еврейского народа.

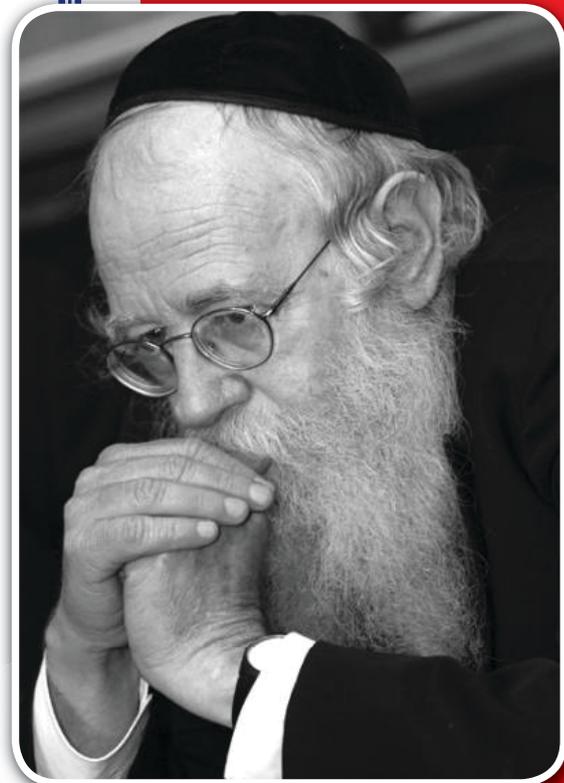
Молитва за еврейский народ...

*ПОМОГИ народу своему,
Израилю,
спаси его от гибели, охрани от беды, отведи от него угрозу!
Излей свет Свой в разбитые сердца сирот и вдов, отцов и матерей, потерявших детей своих!*

*Исцели всех раненых,
даруй силы, мужество и надежду
Твоему народу и Твоей стране!
Соверши справедливый суд,
покарай убийц и их покровителей,
накажи ненавистников и гонителей*

наших во всем мире – пусть все увидят возмездие Твое за пролитую еврейскую кровь!

*Даруй народам разум, чтобы вековая ненависть к нам покинула их сердца, умудри верящих лжи и наветам, направь род человеческий к справедливости правосудию, к созиданию и помощи ближним!
Пошли Избавление народу Твоему, хранящему верность союзу с Тобой, даруй ему мир и благословение, свет и радость!*

DESTINY OF THE HOLOCAUST גורל השואה
СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА

«Непокоренный»
Григорий
Гурвич

- **СУДЬБЫ**
- **ПОИСК**
- **СВИДЕТЕЛИ**
- **ДЕТИ ВОЙНЫ**
- **БИБЛИОТЕКА**
- **ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ**
- **МОЛИТВА**

№ **10**